

ЕЛЕНА СИМОНЧУК,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социальных структур Института социологии НАН Украины

Профессиональная структура современной Украины

Abstract

This research is aimed at the study of the occupational structure of Ukrainian society, in particular, of the distribution of the population of Ukraine by occupational groups (which were derived according to the International Standard Classification of Occupations ISCO-88). The statistical data demonstrates that a significant dynamics of occupational differentiation of Ukrainian population took place during the last twelve years, namely a shift from blue collar occupations in the industrial sector to the sphere of trade and services. The comparative data of the ESS project indicates a principal similarity of occupational differentiation of the post-socialist societies in contrast to the Western countries (particularly, the volume of the white collar positions in the occupational composition in the West is considerably higher, while for the blue collars it is correspondingly lower). The received data points out the importance of the determinants of gender and age for the analysis of the occupational structure of post-soviet societies. The author reveals the patterns of both the horizontal and the vertical gender segregation. The peculiarity of the occupational positions of different age groups lies in the so-called age "edge effect": the youngest (below 20 years old) and the oldest (above 60) groups have a specific occupational structure against the middle groups.

Концептуальные основания исследования

Общепризнано, что природа работы, выполняемой индивидом, оказывает определяющее влияние на его социальный статус, поэтому социологи всегда уделяли внимание профессиональной позиции как фактору, конструирующему социальную стратификацию. В социологии вокруг понятия

профессии/занятия¹ сложилась следующая взаимосвязанная проблематика. Работы по *профессиональной структуре* направлены на исследование совокупного распределения в обществе профессий, классифицированных согласно определенному критерию — уровню квалификации, экономической функции или социальному статусу [Дюркгейм, 1996; Сорокин, 1992; Parsons, 1991; Blau, Duncan, 1967; Erikson, Goldthorpe, 1992; др.]. Тематика *профессиональной мобильности* включает изучение движения профессиональных групп или отдельных представителей профессий в стратифицированной системе социального пространства (здесь сформировались два основных направления — сравнение профессиональных достижений родителей и детей и изучение цепочки должностей в течение карьеры отдельных поколений) [Erikson, Goldthorpe 1992; Ganzeboom, Treiman, Ultee, 1991; Featherman, Hauser, 1978; Burton, Grusky, 1992; др.]. Исследования *профессионального престижа* направлены на получение дифференцированных социальных оценок, которые приписываются профессиям (они отражают то, что люди знают о профессиях, какие материальные и символические ценности им приписывают и как их ранжируют) [Goldthorpe, Hope, 1974; Treiman, 1977; Ganzeboom, Treiman, 1996, 2003; Duncan, 1984; Wegener, 1992; Orth, Wegener, 2006; др.]². Изучение *профессиональной сегрегации* по какому-либо признаку (полу, возрасту, расовой, этнической или религиозной принадлежности) отражает разделение труда, вследствие которого представители разных групп (например, мужчины и женщины) концентрируются в различных типах профессиональных ролей, образуя отдельные трудовые силы [Feldberg, Glenn, 1989; Dex, 1985; Anker, 1998; Glove, Branine, 2001; Shanias, 1968; др.]. Большое внимание уделяется методологическим проблемам разработки *профессиональных классификаций*, которые являются предпосылкой и базой разворачивания всех названных направлений исследования социально-профессиональной дифференциации [Treiman, 1977; Duncan, 1961, 1984; Ganzeboom, De Graaf, Treiman, 1992, 1996; Goldthorpe, Hope, 1974; Hoffmann, 1999; Leiulfsrud, Bison, Jensberg, 2005]. Предметом *социологии профессий* как отдельной социологической от-

¹ В западной социологии профессиональная принадлежность описывается с помощью двух понятий: “занятие” (occupation), под которым понимают любой вид деятельности, приносящий заработок или доход, и “профессия” (profession), обязательным признаком которой является наличие высокого уровня квалификации и специальной подготовки (см.: [Александрова, 2000; Лукша, 2003; Большой словарь, 1999: т. 2, с. 105]). Однако главное внимание уделяется исследованиям, посвященным “occupational mobility”, “occupational status”, “occupational prestige”. В отечественной традиции эти термины закрепились в переводе как “профессиональная мобильность”, “профессиональный статус” и “профессиональный престиж”, хотя общепризнано, что речь идет о “занятии”. Возможно, это связано с тем, что в русском и украинском языке от существительного “занятие” не образуется прилагательное. В данной статье термины “занятие” и “профессия” используются как синонимы, обозначая любой вид деятельности, приносящий заработок или доход.

² В сделанных выше ссылках названы западные исследователи, развившие основополагающие идеи по проблематике профессиональной структуры, мобильности и престижа. В советской социологии обозначенные феномены также были предметом широкого интереса исследователей (из большого ряда работ по этой теме перечислю такие: [Филлипов, 1989; Чередниченко, Шубкин, 1985; Социально-профессиональная, 1973; Черноволенко, Оссовский, Паниотто, 1979; Makeev, 1989]).

расли являются структура и формы профессионального знания, культура и язык отдельных профессиональных групп, идентичность профессионалов, их повседневные практики, процессы профессионализации и профессиональной социализации, гендерные модели профессий, властные и этические порядки в профессии и т.п.¹ [Abbott, 1988; Friendson, 2001; The Sociology, 1983; The end, 1997; Professions, 1990; The Formation, 1990; Crompton, 1990; Davies, 1996; Perkin, 1988; MacDonald, 1995].

В данной статье внимание сосредоточено собственно на профессиональной структуре, которая, как известно, отражает совокупное распределение в обществе профессий/занятий². Описание общей картины профессиональной дифференциации во многом определяется спецификой методического инструмента, выбранного исследователем для идентификации профессиональных групп. Выбору определенной классификационной схемы профессий стоит уделить внимание, поскольку за более чем полувековой период эмпирического изучения феноменов профессиональной стратификации были разработаны многочисленные схемы, дифференцированные в зависимости от цели анализа, теоретических рамок исследователя и набора критериев, которым отдано предпочтение.

Один тип профессиональных классификаций предназначен для отражения распределения профессиональных групп, выделенных обычно на основе критериев уровня квалификации и специализации. Изначально классификаторы этого типа разрабатывались статистическими агентствами отдельных стран и имели национально-специфический характер, однако два последних десятилетия прослеживается тенденция к унификации фиксирования профессиональной принадлежности индивидов как в статистических, так и в социологических массивах. Для этих целей широко используются категории Международной стандартной классификации профессий ISCO-88. Именно эта типология используется в данном исследовании (подробнее ниже). Данные о профессии используют также как основу для конструирования второго типа классификаций — схем экономического и социального класса (среди наиболее известных типологий этого типа — классовые схемы Дж.Голдторпа [Ericson, Goldthorpe, 1992], Г.Эспин-Андерсена [Esping Andersen, 1993], Т.Заславской [Заславская, 1997], О.Шкаратана и

¹ Здесь анализируются, прежде всего, классические профессии, требующие длительной теоретической подготовки, имеющие строгий этиос, крепкие профессиональные ассоциации и сильную групповую идентичность. В периоды общественных трансформаций социологи особое внимание уделяют тому, как изменяются ценности и жизненные миры отдельных профессий (медики, адвокаты и др.), как появляются и институционализируются новые профессии (например, социальный работник, менеджер, web-дизайнер и др.) и деградируют и умирают старые [Социальная динамика, 2007; Мансуров, Юрченко, 2008; Александрова, 2000; Профессиональные группы, 2003].

² Замечу, что в западной традиции в фокусе исследователей чаще не структура сама по себе, а социально-профессиональная мобильность. Методология же исследования двух этих тем не имеет принципиальных отличий: изучение и распределения индивидов по профессиональным категориям, и их перемещений между категориями осуществляется с применением одного и того же методического аппарата; отличие при исследовании мобильности состоит лишь в использовании дополнительных переменных (о профессиональном статусе родителей или о первом рабочем месте) и специальных коэффициентов.

его коллег [Шкаратан, 2006, 2007, 2008])¹. Третий тип профессиональных классификаций представляют собой шкалы профессионального престижа, построенные на основе субъективного ранжирования основных занятий (в качестве примера назовем шкалы профессионального престижа Дж.Голдторпа и К.Хоупа [Goldthorpe, Hope, 1974], Д.Треймана [Treiman, 1977], Г.Ганзебума и Д.Треймана [Ganzeboom, Treiman, 1996, 2003]).

Очевидно, что представление о профессиональном распределении существенно зависит от исследовательской цели, оснований и уровня группировки профессий. Основание для наиболее общей группировки профессий исследователи видят в их дифференциации на физический и нефизический труд (которую автор использует в данной статье). Различие между занятыми физическим и умственным трудом в западной социологии традиционно отражается в терминах “рабочий класс” и “средний класс”, “синеворотничковые” и “беловоротничковые” работники [Большой словарь, 1999: т. 2, с. 173–174; Dictionary, 2005: p. 379; Mills, 1951]. Термин “синеворотничковый рабочий” относится к тем, кто занят физическим трудом и имеет сдельную или почасовую оплату, а термин “беловоротничковый работник” применяется к занятым профессиональным или относительно рутинным офисным и административным трудом в секторах занятости нефизического труда и получающим за свой труд фиксированную заработную плату².

Общеизвестно, что профессиональная структура не стабильна, она формируется и видоизменяется под воздействием различных факторов — структуры экономики (относительный вес различных отраслей), технологии и бюрократии (распределение технологических навыков и административной ответственности), рынка труда (который детерминирует оплату и условия труда, присущие профессиям) и, наконец, статуса и престижа (находящихся под влиянием профессионального закрытия, жизненного стиля и социальных ценностей) [Dictionary, 2005: p. 459]. Исследователи отказываются приписать определяющее влияние одному из этих факторов, более того, они подчеркивают, что их роль в придании формы профессиональной структуре изменяется со временем, по мере изменения общества. Например, в течение ранней фазы европейской индустриализации доминирование сферы производства приводило к сокращению занятий первичного сектора и преобладанию профессий физического труда, а упадок индустриального сектора с одновременным ростом сферы услуг и бюрократической системы в последние десятилетия создал экспансию беловоротничковых профессий. В последние годы исследователи стали отмечать, что различие меж-

¹ Названные классовые схемы сконструированы на разных теоретических основаниях, значительно отличаясь друг от друга также моделью операционализации и набором классов. Кроме профессии они обычно включают и ряд других критериев (например, статус занятости, уровень компетентности, объем властных полномочий, условия занятости, отраслевой сектор занятости и др.). Кстати, наиболее известные и популярные в настоящее время стратификационные шкалы (CASMIN, EGP, ESeC) являются производными от универсальной ISCO-88.

² О происхождении терминов и фактическом положении дел с сине- и беловоротничковой занятостью в западном мире см.: [Mills, 1951; Большой словарь, 1999: т. 1, p. 52–53]; см. также: (http://en.wikipedia.org/wiki/White-collar_worker); (http://en.wikipedia.org/wiki/Blue-collar_worker).

ду профессиями физического и нефизического труда тоже становится расплывчатым.

Поскольку социальные и экономические изменения постоянно модифицируют профессиональную структуру, постольку способность любой отдельной классификации отражать эту структуру во времени является ограниченной [Dictionary, 2005: p. 456]. Тем не менее постоянное обновление классификационной схемы необходимо, хотя это усложняет процесс идентификации изменений в профессиональной структуре во времени. (Например, международный классификатор занятий ISCO обновляется каждые 20 лет: существуют версии 1968, 1988, 2008 годов.)

В западной социологии изучение социально-профессиональной структуры общества (в комплексе всех названных выше тем) традиционно составляет одно из основных направлений стратификационного анализа; в ходе многочисленных дискуссий сложились конвенциональные теоретико-методологические подходы к исследованию названных феноменов; разрабатывается единая методология измерения социального и экономического класса; осуществляется ее масштабная валидизация в сравнительных международных проектах и др. В украинской социологии постсоветского периода, несмотря на то, что проблематике социально-профессиональной структуры, мобильности и престижа посвящен ряд работ [Куценко, 2000; Классовое общество, 2003; Оксамитная, 2003; Кон, 2005; Оксамитная, Патракова, 2007; Симончук, 1999, 2006], это направление, на мой взгляд, не является магистральным: серьезных попыток разработки оригинальных типологий, базирующихся на группировке профессий, не предпринималось¹, широкий интерес к названным темам, судя по числу публикаций, не сформировался, что ощутимо ограничивает наше знание о социальной структуре Украины. В современной российской социологии ситуация значительно лучше: есть удачные примеры создания и использования авторских схем социально-профессиональной стратификации (например, разработанные Т.Заславской [Заславская, 1997], О.Шкаратаном и его коллегами [Шкаратан, 2006, 2007, 2008])²; реализованы интересные проекты по соответствующей проблематике [Профессиональные группы, 2003; Попова, 2004; Антропология профессий, 2005; Социальная динамика, 2006; Шкаратан, Ильин, 2006; Шкаратан, Ястребов, 2007, 2008; Аникин, Тихонова, 2008]. К сожалению, совместные исследовательские проекты относительно социально-профессиональной структуры в постсоветских странах не предпринимались, согласованной работы по выработке общепринятой методологии конструирования профессиональных схем не было (или она не отражена в социологической периодике). В последние годы, с приобщением к крупным между-

¹ Например, при анализе данных наиболее масштабного и часто используемого социологического проекта — мониторинга Института социологии НАН Украины — для определения профессиональной принадлежности респондента исследователи обычно используют набор из 22 видов деятельности. Недостаток этой практики в том, что выделение и группировка позиций не имеют каких-либо обоснованных концептуальных оснований.

² Однако особенности конструирования этих схем, на мой взгляд, недостаточно подробно описаны в публикациях для автономного использования широким кругом социологов, в частности они недоступны в виде синтаксисов для конструирования классов, что выгодно отличает популярные схемы западных социологов.

народным социологическим проектам — Европейскому социальному исследованию (ESS) и Международной программе социальных исследований (ISSP) — украинские социологи стали активно использовать традиционные для западных исследователей профессиональные классификации (ISCO-88) и классовые схемы, в частности Дж.Голдторпа, Г.Эспин-Андерсена, Э.О.Райта [Украинское общество, 2007; Кон, 2005; Оксамитная, 2003; Патракова, 2009]. Тем самым открылась перспектива создания усилиями многих отечественных исследователей многогранной сравнительной картины отечественных и европейских социальных реалий, в частности описания специфики профессиональной структуры Украины.

Методический инструментарий и задачи исследования

Феномены профессиональной структуры, мобильности и престижа традиционно составляют предмет интереса отечественных социологов, однако долгое время реализацию исследовательских проектов сдерживало то, что не было надежного универсального средства фиксирования профессий в социологических опросах. В последние же десятилетия общепринятым методическим инструментом обществоведов (в том числе и социологов) при изучении профессиональной структуры стала Международная стандартная классификация профессий ISCO-88 (International Standard Classification of Occupations) и ее национальные версии¹. В Украине на основе ISCO-88 разработан и применяется с 1996 года “Классификатор профессий Украины”, а в России — “Общероссийский классификатор занятий”. В отечественных социологических проектах переменная профессии, закодированная согласно ISCO-88, используется недавно — впервые она была заложена в массив Европейского социального исследования ESS в 2004 году, а в мониторинг Института социологии НАН Украины — в 2008 году. Наличие в отечественных массивах этой переменной открывает возможность использовать ее, *во-первых*, в качестве основной переменной — например, для изучения распределения населения Украины по профессиональным группам (чему посвящена данная статья), *во-вторых*, как независимую переменную при анализе бесконечного ряда социологических феноменов — политических ориентаций, уровня коллективной солидарности, культурных практик, уровня жизни, распределения семейных ролей и т.п., *в-третьих*, как вспомогательную переменную (в качестве одного из основных элементов при конструировании схем социального класса и социоэкономического статуса²).

Общепризнано, что классификатор ISCO-88 — инструмент для социологов весьма важный и полезный, но довольно трудоемкий в конструировании. Для получения переменной профессии в вопросник обычно закладывают целый блок переменных/вопросов, в том числе: о названии профессии/долж-

¹ Ознакомиться с историей создания этого классификатора, его концептуальными и операциональными основаниями, а также сферами применения можно в [Hoffmann, 1999; Симончук, 2008; Антропология профессий, 2005].

² С помощью специальных SPSS-программ в массивах конструируют переменные классовых схем Дж.Голдторпа (EGP), Э.О.Райта и Г.Эспин-Андерсена, а также Международного социально-экономического индекса Г.Ганзбума и Международной шкалы профессионального престижа Д.Треймана [Leulfsrud, Bison, Jensberg, 2005].

ности респондента и об основных задачах и обязанностях, выполняемых им на работе; об уровне образования и требуемом для выполнения работы уровне квалификации; об отрасли и статусе занятости; наличии и количестве наемных работников; наличии функций руководства и количестве подчиненных. Эти вопросы задаются респондентам как занятым на момент опроса, так и имевшим занятость ранее (их профессиональный статус определялся по последнему месту работы). Затем на основе полученной информации данные кодируются специально подготовленными кодировщиками согласно классификатору ISCO-88 (COM) и новая переменная вносится в массив.

Наличие этой переменной в материалах статистики, массивах международных и отечественных социологических проектов позволило осуществить исследование, основная цель которого — изучение профессиональной структуры украинского общества. В частности, решались такие задачи: *во-первых*, анализ распределения населения по профессиональным группам (при этом автора статьи волновала задача сопоставления соответствующих данных Госкомстата Украины и социологических проектов — Европейского социального исследования и мониторинга Института социологии НАНУ); *во-вторых*, изучение динамики профессионального состава за последнее десятилетие; *в-третьих*, сравнение профессиональной структуры Украины, России, стран Восточной и Западной Европы; *в-четвертых*, анализ гендерного, возрастного и поселенческого профилей профессионального состава населения.

Переменная профессии обычно представлена в массивах 4-значным кодом, что позволяет исследователям использовать любой из четырех возможных уровней группировки. В целях данного исследования профессии были агрегированы согласно предельно общей группировке в 9 профессиональных категорий (см. табл. 1). Затем данные распределения относительно выделенных профессиональных групп были последовательно проанализированы в соответствии с поставленными задачами. Причем соответствующие данные отдельно представлены как для респондентов, занятых на момент опроса, так и для всех, когда-либо имевших занятость (работающих в настоящее время или работавших ранее)¹.

Результаты исследования

Первая задача — сравнение профессионального состава населения Украины, согласно данным официальной статистики и разных социологических проектов — актуальна, поскольку для украинских социологов конструирование переменной профессии (в частности, составление блока необходимых вопросов, сбор с его помощью информации о занятости и последующее ее кодирование в соответствии с ISCO-88) является еще довольно новой практикой, а потому сходство и устойчивость соответствующих данных в массивах различных проектов рассматриваются как знак валидности инструмента и репрезентативности данных.

Анализ таблицы 1 свидетельствует о том, что в сравниваемых социологических проектах данные относительно профессионального распределе-

¹ В массивах всех социологических проектов доля занятых (имеющих оплачиваемую занятость на момент опроса) составляет примерно половину всех опрошенных: в ESS-2007 — 42%, в мониторинге — 59%.

ния населения Украины довольно близки, а отклонения являются вполне допустимыми и могут быть объяснены различиями методов сбора данных о занятости респондента (в ESS — интервью, а в мониторинге — раздаточный опрос) и принципов построения выборки (случайная и квотная — соответственно). Данные же Госкомстата Украины и социологических проектов имеют ряд различий; наиболее существенное из них касается категории простейших профессий среди занятого населения (в статистических данных их доля значительно выше).

Таблица 1

Сравнение распределения населения Украины по профессиональным группам, согласно данным Госкомстата Украины, мониторинга и ESS, %

Профессиональные группы	Госком-стат 2007 (среди занятых)*	ESS-2006/7**		Мониторинг-2008	
		Среди занятых респондентов	Среди всех респондентов	Среди занятых респондентов	Среди всех респондентов
Законодатели, высшие госслужащие и руководители	7,6	14,2	9,2	8,9	8,8
Профессионалы	12,6	13,6	10,3	14,7	11,8
Специалисты	11,4	15,4	14,4	20,8	18,3
Технические служащие	3,6	6,0	5,6	2,9	3,8
Работники сферы торговли и услуг	13,6	12,5	12,2	12,0	11,4
Квалифицированные рабочие сельского, лесного и рыбного хозяйств	1,3	1,0	2,0	1,3	1,7
Квалифицированные рабочие с инструментом	12,6	12,9	14,0	18,6	17,1
Операторы и сборщики оборудования и машин	12,6	12,9	13,5	12,7	13,8
Простейшие профессии	24,7	11,5	18,8	8,0	13,3
Количество респондентов	20904700	784	1784	1033	1648

* *Источник:* Економічна активність населення України 2007 : Статистичний збірник. — К., 2008. — С. 83.

** Данные ESS взвешены с учетом дизайн-эффекта выборки.

Ориентируясь в среднем на данные всех проектов, профессиональный состав украинского общества в самом общем виде можно представить следующим образом (см. рис. 1).

Среди занятого населения примерно десятая его часть осуществляет руководящие и административные функции (*законодатели, высшие государственные служащие и менеджеры*). (При социологическом опросе в эту профессиональную группу обычно попадают руководители предприятий / учреждений / подразделений, имеющие более 10 подчиненных, и руководители малых предприятий с 2–9 подчиненными.) От четверти до трети занятых являются работниками квалифицированного нефизического труда, среди

них — *профессионалы* (научные сотрудники, инженеры, врачи, юристы, экономисты, архитекторы, преподаватели вузов, учителя средней школы и др.) и *специалисты* (техники, медсестры, инспектора таможенной, налоговой, финансовой службы, торговые представители, брокеры, социальные работники, спортивные тренеры и т.п.). От 3% до 6% занятых в экономике составляют *технические служащие / клерки* — профессиональная группа, которая осуществляет вспомогательные функции в работе профессионалов (секретари, деловоды, работники, связанные с информацией, операторы счетных машин, библиотекари, администраторы, страховые агенты, сборщики налогов и др.). Около 15% — это *работники сферы торговли и услуг* (продавцы, парикмахеры, охранники, пожарные, повара, официанты, стюардессы, кондукторы и др.). Более четверти занятых респондентов заняты квалифицированным физическим трудом, среди них 1–2% *сельскохозяйственные рабочие* (животноводы, доярки, лесники, пчеловоды, садоводы и др.), 13% *работчие с инструментом* (маляры, столяры, паркетчики, сварщики, слесари, монтажники, электромеханики, печатники, швеи и др.) и 13% *операторы и сборщики оборудования и машин* (водители грузового и легкового транспорта, машинисты поездов, крановщики, бурильщики, сборщики мебели, рабочие автоматических сборных линий, рабочие по обслуживанию металлоплавильных печей, трубного оборудования, бойлеров, холодильных, водочистительных печей и т.п.). По разным данным от 10% до 25% занятого населения имеют *простейшие занятия* (дворники, уборщики, сторожа, грузчики, мойщики окон, консьержи, прачки, работники неквалифицированного труда в сельском хозяйстве и др.).

Профессиональное же распределение *среди всех респондентов, когда-либо имевших работу*¹ (см. табл. 1 и рис. 1), существенно отличается от занятых в настоящее время главным образом более высокой долей неквалифицированных рабочих (имеющих простейшие занятия) и одновременно более низкой — высококвалифицированных работников нефизического труда (профессионалов) и госчиновников и руководителей.

Сравнение профессионального профиля занятых и всех респондентов будет более наглядным, если девять названных профессиональных категорий условно сгруппировать согласно критерию занятости физическим и нефизическим трудом — в группу позиций *“беловоротничковой”* (первые четыре категории в табл. 1) и группу *“синеворотничковой”* (следующие пять категорий) занятости². Согласно данным ESS, это соотношение среди всех респондентов составляет соответственно 39% и 61%, а среди занятых — 49% и 51%. Таким образом, очевидно, что в настоящее время структура занятости более сдвинута в сторону беловоротничковых позиций, то есть имеется меньше позиций занятости в сельском хозяйстве и промышленности и больше — в

¹ В этой категории кроме занятых в настоящее время — еще и те, кто на момент опроса не имеет оплачиваемой занятости, но ранее ее имел. Среди последних — домохозяйки, инвалиды, зарегистрированные безработные и пенсионеры. Именно пенсионеры составляют основную часть незанятых и оказывают определяющее влияние на своеобразие распределения.

² В такой группировке существует проблема с отнесением 5-й профессиональной группы (работники сферы торговли и услуг) к “синим” или “белым” воротничкам. Среди исследователей есть сторонники ее отнесения и к одной, и к другой группировке. В данной статье эта категория отнесена к “синим” воротничкам.

сфере торговли и интеллектуальных, социальных и личных услуг. Наиболее общее объяснение этим различиям в профессиональном профиле занятого и всего населения можно найти, пожалуй, в макроэкономических изменениях и соответствующей динамике структуры рабочих мест.

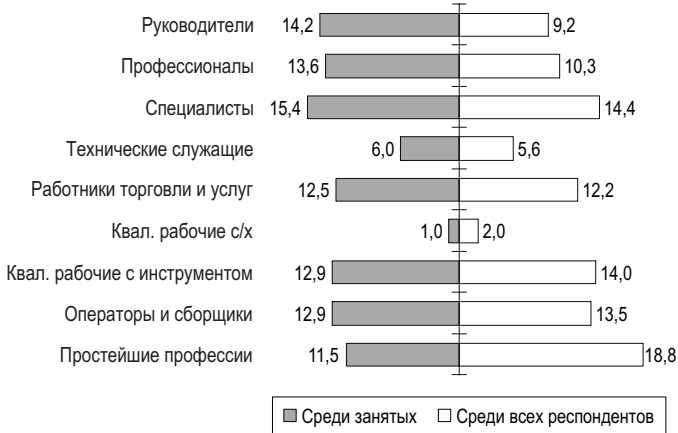

Рис. 1. Распределение населения Украины по профессиональным группам, согласно данным ESS-2006/2007, %

Вторая задача — анализ динамики профессионального состава занятого населения Украины — может быть реализована только на основании статистической информации, поскольку соответствующие данные отслеживаются Госкомстатом Украины с 1996 года, начало же мониторингу профессионального профиля общества на базе отечественных социологических данных положено только в первой волне проекта ESS 2004 года и в мониторинге 2008 года.

Приступая к изучению динамики профессиональных групп с 1996 по 2007 год, вначале рассмотрим тенденции изменения общей численности занятых в экономике Украины в этот период (табл. 2). С 1996 по 2002 год наблюдался процесс неуклонного снижения численности занятых — с 24114,0 до 20400,7 тыс. чел. (на 14%)¹. После 2002 года на рынке труда фиксируется некоторый подъем или во всяком случае стабилизация (20904,7 тыс. чел. в 2007 году). В рассматриваемый период, одновременно с изменением численности занятых, существенно трансформировалась и сегментация рынка труда по профессиональным характеристикам (см. рис. 2).

Наибольшие потери среди занятых наблюдались в ряде профессиональных групп рабочего класса. Так, наиболее высокими темпами снижалась доля квалифицированных рабочих сельского, лесного и рыбного хозяйств² — с 5,0% в 1996 году до 1,3% в 2007-м, то есть три четверти этой про-

¹ Заметим, что процесс снижения численности занятых фиксировался уже с конца 1980-х годов, однако в статье эта тенденция рассматривается с 1996 года в связи с использованием данных статистики относительно профессиональных категорий.

² Обратим внимание, что кроме этой специальной профессиональной группы работники сельского хозяйства есть и в других разделах классификации занятий — например, агрономы в разделе “профессионалы”, трактористы и механизаторы в разделе “операторы и сборщики оборудования и машин” и т.п.

фессиональной группы покинули официальный рынок труда. Общеизвестно, что это было следствием аграрной реформы, разрушения колхозов и совхозов как институциональной основы аграрного сектора и становления в селе новых социально-экономических отношений [Аллен, Гончарук, Перротта, 2001; Лерман, Седик, Пугачев, Гончарук, 2007]. В то же время доля квалифицированных рабочих с инструментом (среди них прежде всего профессии индустриального сектора) сократилась более чем на четверть — с 17,0% в 1996 году до 12,6% в 2007-м. Вероятное объяснение состоит в реструктурировании экономики, банкротстве предприятий, их перепрофилировании в процессе смены собственника и, соответственно, в сокращении позиций индустриальной занятости.

Таблица 2

Динамика распределения занятого населения Украины по профессиональным группам в период 1996–2007 годов (по данным Госкомстата Украины), %*

<i>Профессиональные группы</i>	1996	1998	2000	2002	2006	2007	2007 к 1996
Законодатели, высшие госслужащие, руководители	7,0	7,0	7,2	7,3	7,3	7,6	108,6
Профессионалы	13,4	13,3	12,9	12,7	12,2	12,6	94,0
Специалисты	13,5	14,2	15,0	13,6	12,0	11,4	84,4
Технические служащие	6,6	5,2	4,2	4,4	3,7	3,6	54,5
Работники сферы торговли и услуг	5,7	10,5	11,3	12,6	13,2	13,6	238,6
Квалифицированные рабочие сельского, лесного и рыбного хозяйств	5,0	8,0	3,0	2,3	1,5	1,3	26,0
Квалифицированные рабочие с инструментом	17,0	8,2	13,3	13,5	12,0	12,6	74,1
Операторы и сборщики оборудования и машин	8,2	9,4	15,4	14,7	12,8	12,6	153,7
Простейшие профессии	23,7	24,3	17,7	18,7	25,3	24,7	104,2
Количество респондентов (тыс. чел.)	24114,0	22998,4	20419,8	20400,7	20730,4	20904,7	86,7

* *Источник:* *Економічна активність населення України 2006* : Статистичний збірник. — К., 2007. — С. 87; *Економічна активність населення України 2007* : Статистичний збірник. — К., 2008. — С. 83.

В изучаемый период негативные процессы происходили и в ряде профессиональных групп нефизического труда. Так, доля профессионалов сократилась на 6% (с 13,4% в 1996 году до 12,6% в 2007), специалистов — на 15% (с 13,5% до 11,4% соответственно), а технических служащих — почти вдвое (с 6,6% до 3,6%). Очевидно, что потери среди профессионалов и специалистов оказались менее масштабными, чем среди клерков и рабочих. Объясняется это, с одной стороны, отсутствием значительных реформ в системе здравоохранения, образования и науки и соответствующих изменений в структуре рабочих мест в бюджетной сфере, а с другой — известным фактом, что специализация и длительные годы обучения оказывают стабилизирующее влияние

на трудовое поведение, поэтому карьеры профессионалов и специалистов, как правило, более стабильны и последовательны, чем, например, у малоквалифицированных белых воротничков. Наблюдавшийся процесс оттока работников интеллектуального труда (обусловленный низкой оплатой труда, снижением престижности труда и карьерных перспектив) имел несколько направлений, в частности — трудовая миграция за рубеж (явление, известное как “утечка мозгов”), в бизнес-сферу и на государственную службу [Симончук, 1999]. Судя по тенденциям нисходящей динамики численности интеллектуалов и сопутствующих им профессиональных категорий, заявления руководства страны о необходимости перехода экономики Украины на инновационные основания остаются декларативными.

Среди же профессиональных групп, значительно укрепивших свои позиции на рынке труда, — работники сферы торговли и услуг, доля которых возросла в 2,4 раза (с 5,7% в 1996 году до 13,6% в 2007-м), а также операторы и сборщики оборудования и машин — их численность увеличилась в полтора раза (с 8,2% до 12,6% соответственно). Основываясь на эмпирических данных и повседневных наблюдениях исследователей, можно констатировать, что именно сфера торговли и услуг приняла основные потоки уволенных или добровольно уволившихся из других профессиональных групп. Эта сфера была привлекательна более высокой и стабильной в сравнении с другими отраслями зарплатой и гибкой занятостью, отсутствием барьеров для занятости (таких, как наличие диплома или опыта работы), широкими возможностями для самозанятости и мелкого предпринимательства. В то же время здесь сложились теневые отношения занятости и оплаты труда. Еще одна профессиональная группа, где в описываемый период наблюдался некоторый рост занятости (с 7,0% в 1996 году до 7,6% в 2007-м), — это законодатели, высшие госслужащие и руководители разного уровня.

Относительно же категории простейших профессий зафиксированы неоднозначные данные: в период 1996–2000 годов ее доля снизилась на четверть (с 23,7% до 17,7%), а к 2007 году восстановилась (до 24,7%). Интерпретировать этот волнообразный процесс можно различным образом: как следствие либо реальных процессов мобильности, происходивших на рынке труда (например, сокращения сельскохозяйственных рабочих или “вымывания” неквалифицированных рабочих на работу за рубеж и их последующего возвращения), либо ошибок измерения переменной профессии (что наиболее вероятно, поскольку Госкомстат Украины в течение анализируемого периода изменял методологию расчета переменной).

Итак, в Украине в период 1996–2007 годов на фоне снижения объема занятых (в 1,2 раза) параллельно происходили разнонаправленные процессы профессиональной мобильности. В пяти группах занятий из девяти снизился объем занятости (среди наиболее “проигравших” — квалифицированные рабочие аграрного сектора, рабочие с инструментом и технические служащие, а также, хотя и в меньшей мере, высокообразованные профессиональные группы — профессионалы и специалисты). В то же время в трех группах численность работников возросла (среди “выигравших” — работники сферы торговли и услуг, операторы и сборщики оборудования, а также законодатели и руководители). Объяснение потокам восходящей и нисходящей мобильности в профессиональной сфере находим, прежде всего, в структурных сдвигах в экономической сфере и в изменении отношений собственности, хотя не стоит забывать и о влиянии технико-технологических изменений (например, появ-

ление новых профессий и расширение занятости в ИТ-сфере, в частности в Интернет-сервисе, компьютерных технологиях и др.)¹.

Таблица 3

Динамика распределения занятого населения России по профессиональным группам в период 1998–2007 годов (по данным Росстата), %*

<i>Профессиональные группы</i>	1998	2000	2002	2006	2007	2007 к 1998
Законодатели, высшие госслужащие, руководители	5,5	4,2	4,9	6,6	7,4	134,5
Профессионалы	14,7	15,9	16,2	17,5	19,2	130,6
Специалисты	15,5	15,1	15,7	14,9	14,7	94,8
Технические служащие	3,2	3,3	3,4	3,2	2,9	90,6
Работники сферы торговли и услуг	11,4	12,2	13,0	14,1	14,0	122,8
Квалифицированные рабочие сельского, лесного и рыбного хозяйств	2,8	5,5	4,6	3,9	3,5	125,0
Квалифицированные рабочие с инструментом	16,5	16,7	16,8	15,7	14,9	90,3
Операторы и сборщики оборудования и машин	14,2	13,8	13,9	12,5	12,0	84,5
Простейшие профессии	15,2	13,4	11,4	11,6	11,3	74,3
Количество респондентов (тыс. чел.)	58437	65273	65766	69189	70814	121,2

* Рассчитано по: Российский статистический ежегодник 2001. — М.: Госкомстат России, 2002. — С. 144; Российский статистический ежегодник 2003. — М.: Госкомстат России, 2003. — С. 140; Российский статистический ежегодник 2007. — М.: Росстат, 2007. — С. 147; Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований) 2008: Статистический сборник. — М.: Росстат, 2008. — С. 75–76.

Принципиально иные тренды, в сравнении с Украиной, происходили в профессиональной структуре России (см. табл. 3 и рис. 2). Во-первых, в течение десятилетия (1998–2007)² общая численность занятых последовательно росла (на 20%), а не снижалась, как в Украине. Во-вторых, несмотря на то, что переструктуризация профессионального пространства была значительной в обеих странах, однако ее характер в России и Украине был разным по направлениям и интенсивности изменений. Так, в России позитивная динамика наблюдалась в четырех профессиональных группах из девяти: на треть возросла доля законодателей, госслужащих и руководителей и профессионалов, а также на четверть — доля работников сферы торговли и услуг и квалифицированных рабочих аграрного сектора. В то же время оче-

¹ В рамках социологии профессий проведены интересные исследования о появлении и институционализации новых профессий, например: социальный работник, менеджер по продажам, web-дизайнер и др., а также изменении статусных характеристик, ценностей и жизненных миров отдельных профессий (медики, адвокаты и др.) [Антропология профессий, 2005; Социальная динамика, 2007].

² Росстат предоставляет данные относительно профессионального распределения населения в соответствии с Общероссийским классификатором занятий начиная с 1998 года.

видно, что наибольшее сокращение объема занятости коснулось “синих” воротничков: доля занятых простейшими профессиями снизилась на четверть, операторов и сборщиков — на 15%, квалифицированных рабочих с инструментом — на 10%. А вот снижение доли работников нефизического труда было не столь значительным — специалистов на 5% и клерков на 9%.

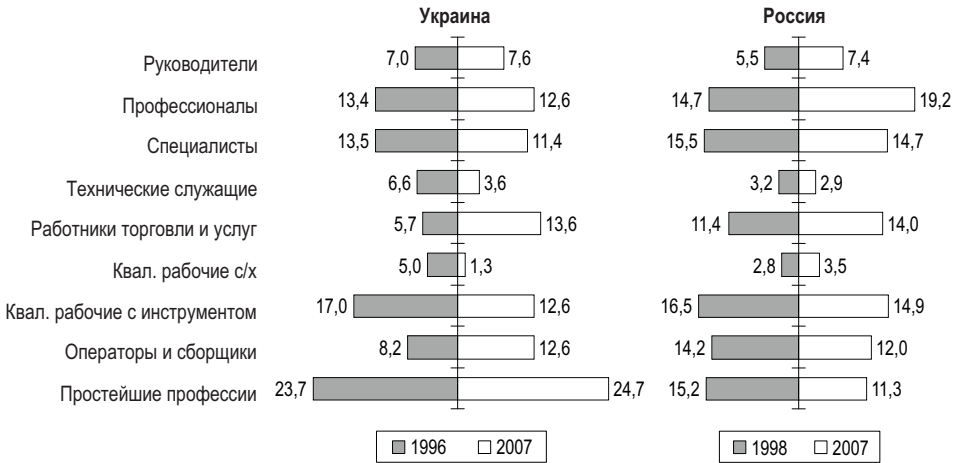

Рис. 2. Динамика распределения занятого населения Украины и России по профессиональным группам, согласно данным официальной статистики, %

Если сравнить динамику пропорций бело- и синеворотничковой занятости в двух странах, то она такова (табл. 2, 3). В Украине это соотношение составляло в 1998 году 40% : 60%, а в 2007 году — соответственно 35% : 65%¹, а в России — 39% : 61% и 44% : 56%. Таким образом, при условии доверия к соответствующим данным официальной статистики, динамика профессионального состава в двух постсоветских странах имела разновекторный характер: в России происходило движение из категорий синеворотничковой занятости в направлении беловоротничковой и сферы торговли и услуг (что можно оценивать как продвижение к постиндустриальной структуре экономики), а в Украине — главным образом, в сторону сферы торговли и услуг. Кроме того, в России негативные тенденции внутри профессиональной структуры были менее глубокими, чем в Украине.

Для реализации **третьей задачи** — сравнения профессионального профиля населения Украины и России, стран Восточной и Западной Европы² — использованы данные проекта Европейского социального исследования 2006/2007 года. Поскольку автора статьи интересовали сходства и различия профессиональной дифференциации Украины и России как с пост-

¹ Однако, согласно данным ESS, это соотношение в Украине в 2007 году составляет среди занятых 49% и 51%, а среди всех респондентов — 39% и 61%.

² Общеизвестно, что именно в сравнительных исследованиях данные относительно распределения по профессиональным группам наиболее уязвимы, в частности из-за национальных различий в идентификации уровней квалификации различных занятий. Для минимизации этого в международной статистике труда разработаны строгие правила сравнимости данных (см.: [Hoffmann, 1999: point 35]).

социалистическими, так и с западными странами, европейские страны-участницы проекта были сгруппированы в два региона — “*страны Восточной Европы*” (Болгария, Венгрия, Польша, Словения, Словакия и Эстония) и “*страны Западной Европы*” (Австрия, Бельгия, Швейцария, Кипр, Германия, Дания, Испания, Финляндия, Франция, Великобритания, Ирландия, Нидерланды, Норвегия, Португалия и Швеция). При этом данные европейских стран рассмотрены как в агрегированном виде, так и по отдельности. В соответствии с рекомендациями координаторов проекта ESS относительно взвешивания массивов, данные по Украине и России взвешены с учетом дизайн-эффекта выборки, а по странам Восточной и Западной Европы — еще и с учетом размера населения группируемых стран¹. Отмечу, что сравнивались соответствующие данные среди занятых на момент опроса респондентов и респондентов, имевших работу когда-либо прежде.

Согласно данным ESS-2006/2007, профессиональный профиль населения (респондентов, когда-либо имевших работу) в сравниваемых странах имеет как подобия, так и отличия (табл. 4). Доля законодателей, высших госчиновников и руководителей во всех сравниваемых странах — в пределах 8–9%, исключение — Россия, где она составляет 4,9% (правда, это может быть связано с ошибками кодирования российского массива, поскольку согласно данным официальной статистики в 2007 году объем этой категории в России составил 7,4%).

Совокупная доля квалифицированных работников умственного труда (профессионалов и специалистов) в Украине составляет 24,7%, что больше, чем в странах Восточной Европы (19,2%), но меньше, чем в странах Западной Европы и России (по 30%). (Этот вывод подтверждают и рассмотренные выше данные официальной статистики России и Украины.) Среди западноевропейских стран есть значительные различия в совокупной доле квалифицированных “белых” воротничков: например, в наиболее развитых странах — Швеции, Нидерландах, Швейцарии — она составляет 36–37%, а в Испании и Португалии — 13–16%.

Доля технических служащих (клерков) во всех постсоциалистических странах примерно одинакова — 6–8%, что почти вдвое меньше, чем в среднем в западных странах (13%). Та же закономерность фиксируется и в отношении работников сферы торговли и услуг, доля которых в постсоциалистических странах составляет 11–13%, что меньше, чем в среднем в Западной Европе (15%), где сервисная сфера экономики развивалась значительно раньше.

Доля квалифицированных рабочих сельскохозяйственного сектора близка в Украине, России и в среднем в западных странах (2–3%)², но значительно отличается от среднего показателя восточноевропейских стран (7%) — прежде всего за счет Польши и Болгарии, где доля фермеров составляет до 10%, а вот в остальных постсоциалистических странах Восточной Европы — до 2%. Конечно, есть значительные отличия в доле этой категории и в отдельных странах Западной Европы: она составляет 5–7% в Испании, Португалии и Финляндии и до 2% в Великобритании и Дании.

¹ О взвешивании данных в ESS см.: (<http://ess.nsd.uib.no/files/WeightingESS.pdf>).

² Обратим внимание, что в Украине и России основная часть работников аграрного сектора является неквалифицированной и попадает в категорию “простейших занятий”.

Совокупная доля квалифицированных работников физического труда (рабочих с инструментом и операторов и сборщиков оборудования и машин) более или менее подобна в постсоциалистических странах (в среднем в Восточной Европе — 28,4%, в Украине — 27,5%, России — 32,1%¹), но принципиально выше (в полтора раза), чем в среднем в Западной Европе — 19,3%. (Тем не менее фиксируются значительные отличия в доле квалифицированных “синих воротничков” в различных западных странах: 12–16% — в Нидерландах, Великобритании, Швейцарии и 23–32% — в Германии, Испании, Португалии.)

Доля занятых простейшими профессиями наибольшая в Украине (18,8%) и в странах Восточной Европы (16,4%), что почти в полтора раза больше, чем в России (11,8%) и в среднем в Западной Европе (11,4%). Более детальный анализ показывает, что это различие возникает прежде всего за счет занятых простейшим трудом в сельском хозяйстве.

Таким образом, профессиональный профиль населения довольно близок во всех постсоциалистических странах и одновременно принципиально отличен от развитых западных стран. Так, соотношение “белых воротничков” (первые четыре категории) и “синих” (следующие пять) в Украине составляет 40% к 60%, в России — 42% к 58%, в странах Восточной Европы — в среднем 35% к 65%, а в западных странах — в среднем 51% к 49%.

Предпринимая международное сравнение профессиональных структур, автор вполне осознает, что это самая грубая “прикидка” портрета профессиональной дифференциации, поскольку есть значительные отличия по качественным характеристикам, например, группы “профессионалов” (юристов, врачей, преподавателей вузов и др.) в развитых западных и постсоветских обществах отличаются по уровню автономии трудового поведения, властному положению в обществе, престижу труда, уровню жизни, внутригрупповой солидарности и т.п.² Существенные отличия обнаруживаются и в характеристиках трудовых и рыночных ситуаций занятости среди квалифицированных рабочих аграрного сектора разных стран.

Однако картина профессионального состава выглядит иначе, если анализировать данные только в отношении занятого населения³ (табл. 4). По сравнению со всеми когда-либо работавшими среди занятого населения

1 При этом доля квалифицированных рабочих с инструментом в Украине ниже, чем в России и странах Восточной Европы, а доля операторов и сборщиков оборудования и машин — примерно такая же (12–14%).

2 Профессионалы и специалисты, образующие так называемый “новый средний класс”, имеют значительные отличия в разных странах. Если во время существования биполярного мира этот класс формировался независимо в двух системах, то сейчас он развивается под влиянием глобализации. По мнению российского социолога В.Ильина, разработчики технологий производства, инфраструктуры и т.п. концентрируются в наиболее развитых странах мира, откуда их продукты распространяются в другие регионы мира, а в посткоммунистических странах “новый средний класс формируется за счет профессий, обеспечивающих сбыт импортируемых товаров, менеджеров, организующих производство по схемам и технологиям, разработанным за границей” [Ильин, 2008: с. 11].

3 Во всех национальных выборках занятые (имеющие оплачиваемую занятость на момент опроса) составляют примерно половину всех опрошенных: в Украине — 42%, в России — 51%, в странах Восточной Европы — 47% и Западной Европы — 53%.

всех сравниваемых стран значительно выше доля госслужащих и менеджеров, профессионалов и специалистов и одновременно ниже доля занятых простейшими профессиями. (Относительно других занятий различия статистически не значимы.) Соответственно отличается и совокупное соотношение “белых” и “синих” воротничков: среди занятого населения в Украине оно составляет 49% и 51% (среди всего населения — 40% и 60%), в России — 47% и 53% (соответственно 42% и 58%), в среднем в Восточной Европе — 42% и 58% (35% и 65%), а в Западной — 56% и 44% (51% и 49%). Таким образом, во всех странах очевиден сдвиг в сторону беловоротничковой занятости, что является опосредованным отражением динамики структуры рабочих мест за последние десятилетия — в пользу занятий в сфере управления и квалифицированного нефизического труда.

Таблица 4

Профессиональный профиль населения в Украине и России, странах Восточной и Западной Европы (по данным ESS-2006), %*

Профессиональные группы	Среди занятых респондентов**				Среди всех респондентов			
	Украина	Россия	Восточная Европа	Западная Европа	Украина	Россия	Восточная Европа	Западная Европа
Законодатели, высшие государственные служащие, руководители	14,2	6,7	9,3	9,9	9,2	4,9	8,1	8,7
Профессионалы	13,6	16,8	12,4	15,6	10,3	14,9	8,7	12,8
Специалисты	15,4	16,0	11,9	18,9	14,4	15,4	10,5	17,0
Технические служащие	6,0	7,0	7,9	11,9	5,6	6,8	7,6	12,9
Работники сферы торговли и услуг	12,5	12,3	13,4	14,3	12,2	10,8	13,1	15,3
Квалифицированные рабочие сельского, лесного и рыбного хозяйств	1,0	1,9	5,5	2,1	2,0	3,4	7,2	2,7
Квалифицированные рабочие с инструментом	12,9	17,7	16,8	12,4	14,0	18,7	16,9	12,4
Операторы и сборщики оборудования и машин	12,9	14,5	11,7	6,5	13,5	13,4	11,5	6,9
Простейшие профессии	11,5	7,2	11,0	8,5	18,8	11,8	16,4	11,4
Количество респондентов	784	1244	2428	14277	1794	2057	4682	24869

* Данные по Украине и России взвешены с учетом дизайн-эффекта выборки, а по странам Восточной и Западной Европы — на комбинированный вес: $\text{weight2} = \text{dweight} * \text{pweight}$.

** Данные рассчитаны только для занятых респондентов — тех, кто имеет оплачиваемую работу ($\text{mnaotic} = 1$).

Анализ данных профессионального состава населения Украины по полу, возрасту и типу поселения, согласно **четвертой исследовательской задаче**, позволил зафиксировать ряд интересных закономерностей.

Довольно много социологических работ посвящено взаимосвязи гендера и профессиональной занятости [Hakim, 1996; Anker, 1998; Feldberg, Glenn, 1979; Dex, 1985; Gender, 1988, 1989, 1994; Близнюк, 2004; Журженко, 2001; Лавриненко, 2003; Мальцева, Рощин, 2006; Праця жінок, 2003; др.]¹. Изучая **гендерный профиль профессиональной структуры**, исследователи обычно фиксируют внимание на *горизонтальной сегрегации* — неравномерном распределении мужчин и женщин по отраслям и профессиональным группам и на *вертикальной сегрегации* — социальных барьерах для карьерного продвижения женщин, дискриминации на рынке труда, разнице в оплате труда и т.п.²

Согласно данным ESS и официальной статистики, гендерный профиль профессиональных групп занятого населения Украины и России асимметричен, в чем отражается факт горизонтальной сегрегации (см. табл. 5 и рис. 3). Мужчины занимают позиции законодателей, высших государственных служащих и руководителей в полтора–два раза чаще женщин, квалифицированных рабочих с инструментом — в четыре–пять раз чаще и операторов и сборщиков оборудования и машин — в три–пять раз. Женщины, в свою очередь, вдвое больше представлены среди профессионалов, специалистов и работников сферы торговли и услуг. Доминируют они и среди технических служащих (где соотношение женщин и мужчин составляет 4 : 1). Несколько выше доля женщин и среди неквалифицированных рабочих (простейшие профессии).

Таким образом, описанный гендерный профиль профессиональных групп по своим характеристикам совпадает с общеизвестными особенностями горизонтальной сегрегации профессионального рынка труда: мужчины преобладают на высших руководящих позициях и среди профессий рабочих физического труда, женщины же в большей мере представлены в профессиональных позициях нефизического труда — как высококвалифицированного, требующего образовательных дипломов (профессионалы и специалисты), так и рутинного — прежде всего в сфере торговли и услуг. Обратим внимание, что несмотря на различия данных статистики и ESS относительно процентного распределения профессиональных категорий занятого населения по полу, характер выявленных закономерностей полностью совпадает.

Сравнивая соответствующие данные ESS отдельно среди респондентов, занятых в настоящее время и всех когда-либо работавших, отметим высокую степень сходства гендерного состава профессиональных групп, правда, с одним исключением: среди всех респондентов значительно выше доля женщин неквалифицированного труда (простейших занятий). Значит, несмотря на значительную динамику профессиональных групп, суть горизонтальной гендерной сегрегации остается практически неизменной.

¹ О взаимосвязи гендера и социального класса (в основе классовых схем классификация профессий согласно ISCO-88) см.: [Goldthorpe, 1983; Leiufsrud, Woodward, 1987; Оксамитная, 2003; Симончук, 2007].

² Разносторонний обзор проблем измерения профессиональной сегрегации по половому признаку и соответствующие данные см.: [Hakim, 1996; Антонченкова, 2004].

Таблица 5

Гендерный профиль распределения занятого населения Украины и России по профессиональным группам (по данным статистики и ESS), %

Профессиональные группы	Украина				Россия			
	По данным Госкомстата Украины 2007*		По данным ESS-2006/2007***		По данным Росстата 2007**		По данным ESS-2006/2007***	
	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины
Законодатели, высшие госслужащие, руководители	6,2	9,0	7,8	20,0	5,9	9,0	3,4	10,2
Профессионалы	16,6	8,8	18,7	9,0	23,4	15,0	23,5	9,6
Специалисты	15,3	7,9	24,6	6,8	20,2	9,5	22,2	9,4
Технические служащие	6,2	1,2	9,9	2,4	5,4	0,6	11,4	2,2
Работники сферы торговли и услуг	19,2	8,3	17,4	8,0	20,1	8,3	15,1	9,1
Квалифицированные рабочие сельского, лесного и рыбного хозяйств	1,1	1,4	1,3	1,0	3,6	3,4	1,7	2,3
Квалифицированные рабочие с инструментом	3,7	20,9	5,1	20,0	7,1	22,7	7,9	28,4
Операторы и сборщики оборудования и машин	5,5	19,2	3,5	21,5	3,1	20,6	5,7	24,0
Простейшие профессии	26,2	23,3	11,8	11,2	11,4	11,0	9,1	4,9
Количество респондентов	10139,9 тыс.	10764,8 тыс.	374	410	35110 тыс.	35704 тыс.	648	596

* *Источник:* Економічна активність населення України 2007 : Статистичний збірник. — К., 2008. — С. 83.

** *Источник:* Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований) 2008 : Статистический сборник. — М.: Росстат, 2008. — 75–76.

*** Данные ESS взвешены с учетом дизайн-эффекта выборки и рассчитаны только для занятых респондентов — тех, кто имеет оплачиваемую работу ($\text{npactic} = 1$).

Интересно также сравнить гендерный профиль профессионального состава населения Украины и России на фоне европейских стран (табл. 6). Согласно данным ESS-2006/2007, закономерности гендерной сегментации профессионального состава общества полностью совпадают во всех постсоциалистических странах: доминирование мужчин среди руководителей и в профессиях квалифицированного физического труда, и одновременно значительное преобладание женщин в профессиях квалифицированного и рутинного нефизического труда. Однако если в Украине и России гендерные

сходства рынка труда прослеживаются и по направлениям и по интенсивности (что подтверждается данными и официальной статистики, и социологических проектов), то в странах восточноевропейского региона интенсивность гендерных различий в ряде категорий несколько иная. Так, в Украине и России среди руководителей соотношение мужчин и женщин 3 : 1, а в странах Восточной Европы это различие не столь резкое — 1,5 : 1. Та же закономерность обнаруживается среди специалистов, а также квалифицированных рабочих с инструментом.

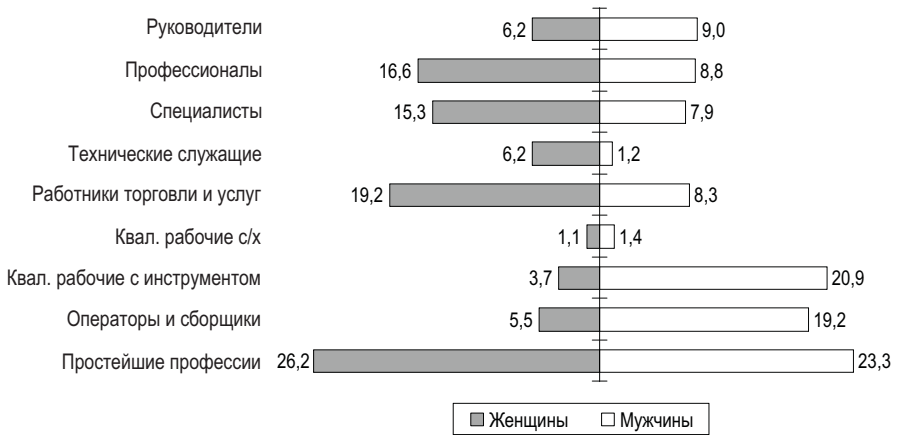

Рис. 3. Гендерный портрет распределения занятого населения Украины по профессиональным группам, согласно данным Госкомстата Украины 2007 года, %

В то же время констатируем значительные гендерные различия профессионального рынка труда постсоциалистических (Украины, России, стран Восточной Европы) и развитых западноевропейских стран¹. Одно из различий — соотношение мужчин и женщин среди профессионалов в постсоциалистическом пространстве составляет 1 : 2, тогда как в западных странах обратное гендерное соотношение — 1,2 : 1. Среди специалистов на Западе, также как и в постсоветских странах, выше доля женщин, однако различие гендерного состава не такое резкое. Таким образом, данные со всей очевидностью подтверждают, что в постсоветских странах большую часть массовых отрядов профессионалов и специалистов (врачи, учителя, бухгалтеры, экономисты, медсестры, техники и др.) составляют женщины, а в Западной Европе их состав близок к гендерному паритету. Причем общеизвестно, что у нас эти занятия в государственном секторе связаны с относительно невысоким уровнем оплаты труда и престижа, а в западных странах труд интеллектуалов, как правило, имеет пропорциональное уровню образования и квалификации вознаграждение и общественный почет. Другое отличие состоит в более резкой гендерной диспропорции в ряде других профессиональных групп на Западе в сравнении с постсоциалистическими странами. Так, среди работников торговли и сферы услуг соотношение мужчин и жен-

¹ Наверное, есть значительные вариации в гендерной карте профессионального распределения различных европейских стран, но этот вопрос оставляем для будущих исследований.

щин составляет в западных странах 1 : 3,3 и в постсоциалистических соответственно 1 : 1,9, а среди квалифицированных рабочих с инструментом, наоборот, соотношение в пользу мужчин: соответственно 6 : 1 и 3,5 : 1. В то же время есть и гендерные сходства западных и постсоветских стран: мужчины доминируют среди законодателей и руководителей и операторов и сборщиков, а женщины — среди представителей рутинного нефизического труда (клерков) и простейших занятий.

Таблица 6

Гендерный профиль распределения населения Украины и России, стран Восточной и Западной Европы по профессиональным группам (ESS-2006), % *

Профессиональные группы	Украина		Россия		Страны Восточной Европы		Страны Западной Европы	
	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины
Законодатели, высшие госслужащие, руководители	5,0	14,6	2,7	8,0	7,1	9,2	5,3	12,2
Профессионалы	12,4	7,7	19,0	9,2	10,8	6,2	11,6	13,9
Специалисты	20,8	6,2	19,9	9,1	12,1	8,6	18,3	15,6
Технические служащие	8,5	1,9	10,1	2,2	10,9	3,8	18,6	7,0
Работники сферы торговли и услуг	15,4	8,0	13,3	7,4	18,0	7,5	23,2	7,1
Квалифицированные рабочие сельского, лесного и рыбного хозяйств	2,2	1,6	3,8	2,8	8,2	6,0	1,8	3,7
Квалифицированные рабочие с инструментом	8,0	21,8	11,0	29,2	8,1	27,1	3,6	21,6
Операторы и сборщики оборудования и машин	4,3	25,3	6,5	22,9	6,3	17,7	3,9	9,9
Простейшие профессии	23,5	12,8	13,7	9,1	18,6	13,9	13,6	9,1
Количество респондентов	1006	789	1193	865	2520	2155	12615	12248

* Данные по Украине и России взвешены с учетом дизайн-эффекта выборки, а по странам Восточной и Западной Европы — на комбинированный вес $weight2 = dweight * pweight$

Итак, согласно нашим данным, гендерные диспропорции занятости сохраняются во всех странах — и западных, и постсоциалистических. Так, сферы женской занятости — это, прежде всего, рутинный беловоротничковый труд и занятия в сфере торговли и услуг, а сферы мужской занятости — си-неворотничковая занятость и руководящие позиции. Однако степень и про-

явления этой дифференциации отличаются от страны к стране [Большой словарь, 1999: т. 2, с. 128]. Наши констатации совпадают с выводами о горизонтальной гендерной сегрегации европейского рынка труда, известными из упомянутых выше работ социологов и докладов международных организаций (например, [Report, 2006; Global, 2007; Праця жінок, 2003; Рівність, 2006]).

Уделим также внимание проблеме *вертикальной гендерной сегрегации* в профессиональной сфере. Традиционными направлениями исследования здесь являются дискриминация женщин в оплате и условиях труда, в должностном продвижении, различия в уровне социально-профессионального престижа женской и мужской сфер занятости. Имеющиеся в распоряжении автора данные позволяют проанализировать факты гендерных различий в оплате труда и профиле должностного распределения.

Вопрос различий в оплате труда между мужчинами и женщинами внутри профессиональных групп рассмотрен автором на основании данных мониторинга Института социологии НАН Украины 2008 года (табл. 7)¹. Эти данные эмпирически подтверждают общеизвестные факты, во-первых, о значительном различии в оплате труда по полу (среди занятых заработная плата женщин к заработной плате мужчин составляет в среднем 72%), во-вторых, о том, что факт более низкой оплаты труда женщин, работающих на одинаковых должностях с мужчинами, справедлив для всех девяти профессиональных групп². Показатель процентного соотношения заработной платы женщин и заработной платы мужчин наиболее резкий среди госчиновников и руководителей, а также среди квалифицированных работников сельского хозяйства. Диспропорция в оплате труда весьма значительна даже в профессиональных группах, где численно доминируют женщины (например, специалисты, клерки, сфера торговли и услуг).

Обратим внимание, что этот показатель (соотношение заработной платы мужчин и женщин) составляет среди занятых в среднем 72%, а среди всех респондентов — 64%. Поскольку большую долю последней категории составляют пенсионеры, имевшие занятость в прошлом, динамика показателей опосредованно свидетельствует о том, что имела место позитивная тенденция к снижению неравенства в оплате труда по полу. Международный опыт свидетельствует, что способствовать устранению гендерного неравенства в оплате труда можно как через механизмы профсоюзного и женского

¹ К сожалению, гендерное неравенство различных профессиональных групп по материальному статусу сложно зафиксировать по данным ESS (там используется интервальная шкала доходов), а органы украинской официальной статистики не собирают данных о среднемесячной заработной плате по профессиональным группам.

² Госкомстат Украины традиционно собирает данные относительно среднемесячной заработной платы работников по видам экономической деятельности и полу. Они свидетельствуют о значительном различии в оплате труда по полу. В экономике в целом в 2007 году оно составило 27% в пользу мужчин. Причем различие в оплате труда наблюдается абсолютно во всех отраслях (даже в тех, где численно доминируют женщины — в здравоохранении, образовании, торговле и сфере услуг и др.). Наибольшая разница (до 35%) в оплате труда между мужчинами и женщинами обнаруживается в промышленности, сфере связи, культуры и спорта, финансовой деятельности, а наименьшая (до 9%) — в сельском, лесном и рыбном хозяйствах [Діти, 2008: с. 147].

движений, так и законодательно. Украина тоже продвигается в этом направлении: так, в 2006 году принят Закон Украины “Об обеспечении равных прав и возможностей женщин и мужчин”¹. Однако достижения в законодательном поле не гарантируют равенства реальных шансов: например, в Великобритании, несмотря на принятие Закона о равной оплате (1970) и Закона о дискриминации по половому признаку (1975), женщины продолжают получать только около 75% среднего почасового заработка мужчин [Большой словарь, 1999: т. 2, с. 129].

Таблица 7

**Сравнение размера средней заработной платы
(стипендии, пенсии и др.) по профессиональным группам и полу
(по данным мониторинга-2008)**

Профессиональные группы	Среди занятых			Среди всех респондентов		
	Женщины, доллар	Мужчины, доллар	Зарплата женщин к зарплате мужчин, %	Женщины, доллар	Мужчины, доллар	Зарплата женщин к зарплате мужчин, %
Законодатели, высшие госслужащие, руководители	254	444	57,2	203	372	54,6
Профессионалы	276	387	71,3	241	371	65,0
Специалисты	209	323	64,7	175	280	62,5
Технические служащие	196	257	76,3	143	229	62,4
Работники сферы торговли и услуг	253	304	83,2	193	281	68,7
Квалифицированные рабочие сельского, лесного и рыбного хозяйств	131	258	50,8	115	239	48,1
Квалифицированные рабочие с инструментом	194	305	63,6	150	272	55,1
Операторы и сборщики оборудования и машин	241	275	87,6	177	224	79,0
Простейшие профессии	152	230	66,1	122	201	60,7
Количество респондентов	446	516	–	835	712	–

Вопрос гендерных различий в должностном продвижении. Из доступных материалов, публикуемых Госкомстатом Украины, интересны данные о

¹ В рамках Программы развития ООН (ПРООН) в 2008 году стартовал новый проект “Права детей и женщин в Украине”. Один из четырех его составляющих – “Гендерное равенство в мире труда”, осуществляемый Международной организацией труда, направлен на предотвращение дискриминации по половому признаку в трудовых отношениях, благоприятствование деятельности женщин-предпринимателей, разработку гендерно-чувствительных программ и услуг в сфере трудоустройства (см.: <http://www.un.org.ua/ua/news/2008-09-04>).

распределении государственных служащих (в том числе руководителей и специалистов) по рангам и полу (см. табл. 8 и рис. 4).

Таблица 8

Численность государственных служащих по полу в 1995 и 2007 годах, %*

Госслужащие	1995			2007		
	Всего, чел.	В % к общей численности госслужащих		Всего, чел.	В % к общей численности госслужащих	
		женщины	мужчины		женщины	мужчины
Учетная численность работников, занимающих должности руководителей и специалистов	208081	68,9	31,1	265315	75,5	24,5
Руководители, из них имеют должностные категории:	54688	45,6	54,4	70559	63,8	36,2
Первую	175	2,9	97,1	282	10,6	89,4
Вторую	626	7,2	92,8	1345	24,2	75,8
Третью	2493	12,4	87,6	3331	39,4	60,6
Четвертую	5745	26,5	73,5	7743	46,7	53,3
Пятую	21189	35,3	64,7	19693	66,4	33,6
Шестую	24460	63,6	36,4	38165	69,9	30,1
Специалисты, из них имеют должностные категории:	153393	77,3	22,7	194756	79,7	20,3
Третью	889	37,8	62,2	3577	61,7	38,3
Четвертую	1715	58,3	41,7	3379	64,6	35,4
Пятую	14960	56,2	43,8	26043	71,7	28,3
Шестую	51631	78,2	21,8	69873	79,2	20,8
Седьмую	84198	81,3	18,7	91892	83,7	16,3

* *Источники:* Жінки і чоловіки в Україні : Стат. збірник / ДКСУ. – К., 2001. – С. 62; Діти, жінки та сім'я в Україні : Стат. збірник / ДКСУ. – К., 2008. – С. 92.

Очевидно, что женщины занимают руководящие должности в сфере государственного управления в целом даже чаще, чем мужчины. Однако продвижение по карьерной лестнице (в системе должностных категорий) женщин и мужчин подчинено эффекту “перевернутой пирамиды”: по мере продвижения в иерархии руководителей от нижнего ранга (шестого) к верхнему (первому) снижается доля женщин и, соответственно, растет доля мужчин. Этот эффект характерен и для карьерного продвижения специалистов-госслужащих¹. Аналогичная закономерность прослеживается и в сферах образования, здравоохранения, политики, промышленности и бизнеса.

¹ Те же закономерности фиксируются и относительно численности работников местного самоуправления (руководителей и специалистов) по полу (см.: [Діти, 2008: с. 93]).

Согласно отчету Программы равных возможностей ПРООН 2006 года, в Украине женщины составляют 38% всех предпринимателей, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, они возглавляют 26% малых предприятий, 15% средних и 12% крупных; бизнесом в промышленности руководят только 2% женщин [Рівність, 2006]. Удельный вес фермерских хозяйств, возглавляемых женщинами, составляет 11% [Жінки і чоловіки, 2001: с. 86]. Таким образом, довольно большая доля женщин выполняет руководящие функции в различных сферах экономики, однако общее правило таково, что с ростом должностной категории в иерархии представленность в ней женщин уменьшается. Более скромный должностной профиль женщин объясняют наличием так называемого стеклянного потолка — невидимых институциональных барьеров и общественных предубеждений, препятствующих занятию женщинами высоких управленческих должностей [Пробивая, 2002].

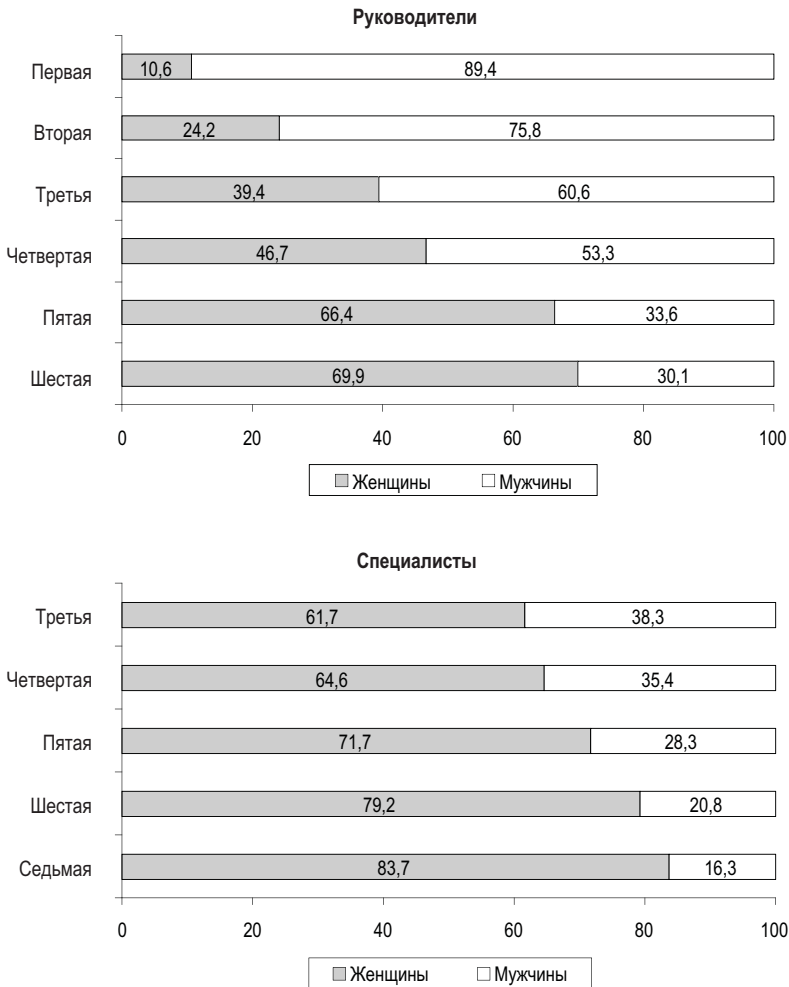

Рис. 4. Распределение госслужащих (руководителей и специалистов) по должностным категориям и полу, согласно данным Госкомстата Украины 2007 года, %

Таким образом, эмпирически подтверждено существование как горизонтальной гендерной сегрегации (проявляющееся в фактах существования преимущественно мужских и женских профессиональных групп), так и вертикальной гендерной сегрегации (фиксируемой в фактах неравноценной оплаты труда по половому признаку во всех профессиональных группах, даже в тех, где доминируют женщины — среди специалистов, клерков, работников сферы торговли и услуг; а также в более плоском профиле профессионально-должностной карьеры женщин).

Среди тем, требующих социологического мониторинга профессиональной структуры в гендерном разрезе, — тенденции динамики горизонтальной гендерной сегрегации профессиональных групп, соблюдения принципа равной оплаты за равный труд, участия женщин в различных сферах и на разных уровнях сферы управления, их представленность в политике, степень социальной престижности женского и мужского профессионального труда, тенденции профессиональных заболеваний среди женщин и мужчин и т.п. При изучении гендерных проблем профессиональной занятости особым направлением могут быть также вопросы женской и мужской трудовой миграции, сочетание и взаимовлияние профессиональных и семейных ролей среди женщин и мужчин, особенности трудовой мотивации женщин и мужчин в разных профессиональных группах, различие женских и мужских ролей среди предпринимателей, руководителей, врачей, преподавателей, юристов и др.

Популярным предметом социологических исследований также является **взаимосвязь возраста и профессии** [Shanas, 1968; Riley, 1987; Ageing, 2001; Glover, Branine, 2001; McGregor, Gray, 2003; Samorodov, 1999; Work, 1994; Ashton, 2007; Furlong, Cartmel, 2006]. Возраст рассматривают как важный дифференцирующий признак профессиональной занятости, поскольку он предопределяет все стадии трудовой жизни индивидов — от включения в социально-трудовые отношения, последующей профессиональной социализации и трудовой карьеры и вплоть до выхода на пенсию; он обуславливает особенности трудового поведения, выражающиеся в том, что члены разных возрастных групп имеют отличающиеся потребности, социально-трудовые установки и ценностные ориентации; возраст детерминирует отличия в состоянии здоровья, проведении досуга, а также разный социальный вес в обществе, обусловленный наличием в разных возрастных группах разного объема квалификационных, властно-должностных, доходных и других ресурсов.

С возрастными группами часто ассоциируется система неравенств, проявляющаяся во многих социальных сферах, в частности на рынке труда. Дискриминация или поддержание предубежденных взглядов об индивидах и группах, основанных на их возрасте, закрепились в понятии “эйджизм” (ageism) [Dictionary, 2005: p. 8–9]. В западных обществах самая старшая и самая молодая возрастные группы воспринимаются и трактуются как относительно некомпетентные и исключенные из многих сфер социальной жизни. О том, что это реальная социальная проблема в области занятости, можно судить по наличию специальных возрастно-чувствительных законов во многих странах, в том числе и в Украине (например, о запрете возрастных ограничений при приеме на работу или о предоставлении работы по оконча-

нию высшего учебного заведения)¹. Несмотря на то, что социология возраста ориентирована на изучение всех возрастных групп, особое внимание исследователи уделяют проблеме “эйджизма”, в частности темам молодежного рынка труда и занятости пожилых людей. Хотя в настоящее время существует исключение или ограничение на рынке труда крайних возрастных групп, тем не менее в исторической перспективе пожилой возраст не всегда воспринимался как препятствие для профессиональной реализации (например, в период позднего социализма пожилые мужчины занимали даже высшие руководящие посты)².

Изучение **возрастного профиля** профессиональной структуры на основе данных статистики и ESS позволило описать ряд выразительных отличий (табл. 9). Для сравнения взяты шесть возрастных групп: молодежь до 20 лет и 20–29 лет, люди среднего возраста (30–39, 40–49, 50–59 лет) и старшего возраста после 60 лет.

Данные статистики и ESS подтверждают мнение, что в наше время одна часть молодежи до 20 лет включена в различные формы профессионального обучения, а возможности другой — непосредственно начинающей трудовую жизнь сразу после окончания школы³ — ограничены на рынке труда, главным образом, занятиями неквалифицированного физического труда и сферы торговли и услуг (соответственно 64% и 12% респондентов этого возраста).

После 20 лет, получив первичное профессиональное образование, молодежь занимает уже позиции всего спектра профессий “белых” и “синих” воротничков, однако 20-летние все же вдвое реже, по сравнению с более старшими возрастными группами, имеют профессиональные занятия, основные задачи которых состоят в управленческих функциях (законодатели, высшие госслужащие, руководители), поскольку общеизвестно, что властный ресурс концентрируется в средних и старших поколениях. Кроме того, молодежь до 30 лет реже занимает позиции профессионалов.

Согласно данным статистики и ESS, управленческие позиции концентрируются в поколениях 30-, 40- и 50-летних. Да и в целом представители этих возрастных групп имеют похожий профессиональный профиль. В среднем возрасте работники, как правило, достигают пика профессиональ-

¹ Дискриминационные практики на основе возраста широко распространены в Украине, несмотря на то, что работники защищены от возрастной дискриминации на законодательно-правовом уровне. В частности, статья 24 Конституции Украины и Трудовой кодекс Украины декларируют равные права и свободы для всех граждан независимо от пола, возраста и других признаков. Общеизвестны факты возрастной дискриминации как выпускников вузов, не имеющих опыта работы, так и работников предпенсионного возраста, интересы которых не учитываются при планировании кадровой политики, переквалификации или повышении профессионального уровня. Примеры возрастной дискриминации существуют и в Европе; отсюда большое количество исследований западных социологов, посвященных эйджизму.

² О росте исследовательского интереса к этой области и специфических конструированиях “старшего возраста” в разных культурных и временных рамках см., например: [Riley, 1987].

³ Согласно данным Госкомстата Украины, только 15% молодежи в возрасте 14–19 лет включены в экономическую деятельность [Жінки і чоловіки, 2001: с. 47].

Таблица 9

Распределение населения сравнимых стран по профессиональным группам и возрасту, %

Профессиональные группы	Украина*					Россия**						
	До 20	20-29	30-39	40-49	50-59	60+	До 20	20-29	30-39	40-49	50-59	60+
Закондатели, госслужащие и руководители	0,5	6,0	8,2	8,9	9,0	4,3	0,3	4,7	6,9	8,4	10,2	9,7
Профессионалы	1,1	14,3	13,7	12,4	12,0	8,5	1,2	21,4	20,5	17,7	17,8	22,1
Специалисты	4,4	12,9	12,7	11,6	10,5	5,5	8,3	15,6	15,9	14,6	13,8	10,5
Технические служащие	3,4	4,3	3,5	3,8	3,2	1,7	2,9	3,7	2,4	2,9	3,2	1,9
Работники сферы торговли и услуг	11,7	15,7	15,7	14,3	10,3	3,3	24,0	17,8	15,5	13,2	9,5	7,5
Квалифицированные рабочие сельского хозяйства	0,8	0,9	1,4	1,7	1,4	0,2	14,3	2,5	2,4	3,3	3,6	12,3
Квалифицированные рабочие с инструментом	9,1	14,6	12,5	12,7	12,5	4,8	12,9	15,5	14,8	14,6	15,9	11,2
Операторы и сборщики оборудования и машин	5,2	11,3	13,6	14,0	14,3	3,8	6,7	9,6	12,2	14,1	12,8	7,0
Простейшие профессии	63,8	20,0	18,7	20,6	26,8	67,9	29,6	9,3	9,3	11,2	13,1	17,2
Количество респондентов (тыс. чел.)	493,8	4862,6	5184,8	5514,5	3712,2	1136,8	1211	16297	17134	19460	14203	2509
	Страны Восточной Европы***					Страны Западной Европы***						
	До 20	20-29	30-39	40-49	50-59	60+	До 20	20-29	30-39	40-49	50-59	60+
Закондатели, госслужащие и руководители	2,8	4,4	9,6	8,7	7,6	9,3	0,9	4,1	8,5	9,5	10,0	10,1
Профессионалы	0,0	8,9	14,1	10,7	7,0	5,5	1,1	9,7	17,0	13,8	15,2	10,4
Специалисты	7,0	10,1	10,8	9,2	12,6	9,5	7,2	17,5	19,5	18,6	17,0	14,8
Технические служащие	5,6	10,4	8,0	8,1	7,0	5,9	12,2	13,5	12,3	13,4	13,0	12,1
Работники сферы торговли и услуг	26,8	22,2	13,3	12,6	11,5	8,7	30,8	23,8	14,8	14,7	13,6	11,3
Квалифицированные рабочие сельского хозяйства	5,6	2,4	5,3	7,6	6,1	12,8	4,7	1,1	1,5	2,1	2,3	4,7
Квалифицированные рабочие с инструментом	15,5	17,2	17,3	17,5	17,2	15,9	18,5	14,0	11,2	10,9	10,7	14,4
Операторы и сборщики оборудования и машин	1,4	10,0	10,8	10,1	13,1	12,3	2,1	4,8	6,5	6,6	7,7	8,6
Простейшие профессии	35,2	14,4	10,7	15,5	17,8	20,1	22,6	11,4	8,8	10,4	10,4	13,6
Количество респондентов	71	662	729	802	854	1192	665	2982	3936	4941	3896	6414

* Данные предоставлены Госкомстатом Украины по запросу автора статьи.

** Рассчитано по: Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований 2008) : Статистический сборник. — М.: Росстат, 2008. — С. 77-78.

*** Данные ESS-2006 по странам Восточной и Западной Европы взвешены на комбинированный вес weight2 = dweight*prweight.

ной реализации и получения вознаграждения за труд, имея высокий властный и квалификационный ресурс¹.

По сравнению с представителями средних возрастных групп работники старше 60 лет имеют отличающийся профессиональный портрет: они вдвое реже имеют профессии квалифицированного умственного труда (профессионалов и специалистов) и в пять раз реже — рутинного (работников сферы торговли и услуг), в то же время они вдвое чаще являются рабочими неквалифицированного физического труда (простейших занятий). Это свидетельствует не только о проявлениях эйджизма, но и о том, что структура рабочих позиций, которую застало поколение нынешних 60-летних, включала значительно больше профессиональных позиций в сельском хозяйстве и промышленности, и меньше — в сфере интеллектуального труда, торговли и услуг. Кроме того, поведение на рынке труда лиц предпенсионного и пенсионного возраста имеет свои особенности и проблемы: для данной возрастной категории характерен процесс постепенной депрофессионализации — вынужденного или добровольного снижения профессионального и социального статуса².

Сравнение профессиональной дифференциации разных возрастных групп в Украине, России и европейских странах обнаруживает принципиальное подобие ее характеристик (табл. 9)³. Среди общих закономерностей следует отметить, прежде всего, своеобразие (описанное выше) профессионального профиля работников до 20 лет и после 60 по сравнению со средними возрастными группами. Профессиональная структура поколения 20-, 30- и 40-летних довольно близка. Отмечу, что во всех сравниваемых странах примерно к 30-ти годам работники проходят необходимые ступени должностной карьеры и занимают профессиональные позиции, основные функции которых состоят в осуществлении руководящих задач, поэтому доля руководителей максимальна среди 30–50-летних.

Итак, данные статистики и ESS подтверждают, что возраст является значимым дифференцирующим признаком профессиональной занятости во всех сравниваемых странах. Касается это, главным образом, “крайних” (самой молодой и самой старшей) возрастных групп на рынке труда — их профессиональный портрет значительно отличается от портрета средних возрастных групп. Это можно обозначить как возрастную “эффект края” в пространстве профессиональных позиций. Кроме того, в крайних возрастных группах накапливаются изменения, в итоге приводящие к изменениям

1 Предпринятый автором на основе данных мониторинга-2008 сравнительный анализ среднемесячной заработной платы по профессиональным группам и возрасту свидетельствует, что зарплата 30-, 40- и 50-летних работников выше, чем у 20- и 60-летних. Особенно выразительны эти различия в профессиональных группах госслужащих и менеджеров, а также профессионалов и клерков. О возрастной сегрегации в оплате труда в западных странах см.: [Ageing and income, 2001].

2 Даже если работник, достигший пенсионного возраста, остается в той же организации, часто ему приходится изменять свой должностной статус, поскольку в ряде профессиональных групп (например, госслужащие) действует запрет занимать руководящие должности пенсионерам, а в ряде профессий (например, пожарные, артисты балета и др.) к работникам предъявляются особые требования к физическому состоянию.

3 Я предпочла сравнить данные Украины и России на основе статистических данных, так как здесь более наполнены возрастные группы до 20 лет.

профессиональной структуры: например, в молодежных группах более интенсивно осваиваются новые профессии, а в старших, наоборот, концентрируются устаревшие и постепенно исчезающие профессиональные занятия.

Таблица 10

Поселенческий профиль распределения населения Украины по профессиональным группам (по данным Госкомстата Украины и мониторинга), %

Профессиональные группы	По данным Госкомстата Украины 2007 (среди занятых)*		По данным мониторинга-2008							
	Городское население	Сельское население	Среди занятых респондентов				Среди всех респондентов			
			Киев	Крупный город	Небольшой город	Село	Киев	Крупный город	Небольшой город	Село
Законодатели, высшие госслужащие и руководители	9,6	3,2	7,1	11,0	11,1	4,7	10,1	11,6	10,4	5,0
Профессионалы	15,9	5,6	36,4	15,3	15,2	9,7	28,1	13,2	13,5	7,0
Специалисты	13,9	6,1	24,3	18,4	23,8	19,7	20,2	18,3	21,3	15,6
Технические служащие	4,4	1,9	5,7	2,9	2,5	2,7	5,6	4,3	3,9	3,1
Работники сферы торговли и услуг	16,1	8,2	10,0	15,3	9,8	10,7	10,1	14,4	10,2	9,8
Квалифицированные рабочие сельского, лесного и рыбного хозяйств	0,4	3,2	0,0	0,0	0,3	4,0	1,1	0,0	0,4	4,3
Квалифицированные рабочие с инструментом	15,2	6,8	7,1	18,4	21,9	17,7	11,2	18,3	19,1	15,3
Операторы и сборщики оборудования и машин	13,7	10,0	10,0	11,0	10,8	17,4	7,9	11,2	12,8	17,7
Простейшие профессии	10,8	55,0	4,3	7,8	4,4	13,4	5,6	8,7	8,3	22,3
Количество респондентов	14309,7 тыс.	6595,0 тыс.	70	347	315	299	89	508	460	583

* *Источник:* Економічна активність населення України 2007 : Статистичний збірник. — К., 2008. — С. 83.

Поселенческий профиль профессиональных групп в Украине, согласно статистическим и социологическим данным, выглядит вполне ожидаемо (см. табл. 10 и рис. 5). Городские жители имеют неоспоримое преимущество во всех позициях, связанных с управленческими полномочиями и квалификационно-образовательным ресурсом: они в два-три раза чаще, чем сельские жители, имеют занятия руководителя, профессионала и специалиста

(по данным статистики — еще и технического служащего и квалифицированного рабочего с инструментом). В то же время среди сельского населения в три-пять раз больше занятых простейшими профессиями, здесь сосредоточены также квалифицированные рабочие аграрного сектора¹. Однако среди городского населения также наблюдаются выразительные различия: в Киеве, как в любой столице, сконцентрированы профессионалы и технические служащие², а вот рабочие профессии (в частности, квалифицированные рабочие с инструментом) в большей мере сосредоточены в крупных и небольших городах с высоким промышленным потенциалом. Очевидно, что соотношение бело- и синеворотничковой занятости принципиально различается в зависимости от места жительства — среди городского населения составляет 44% : 56%, а среди сельского — 17% : 83%.

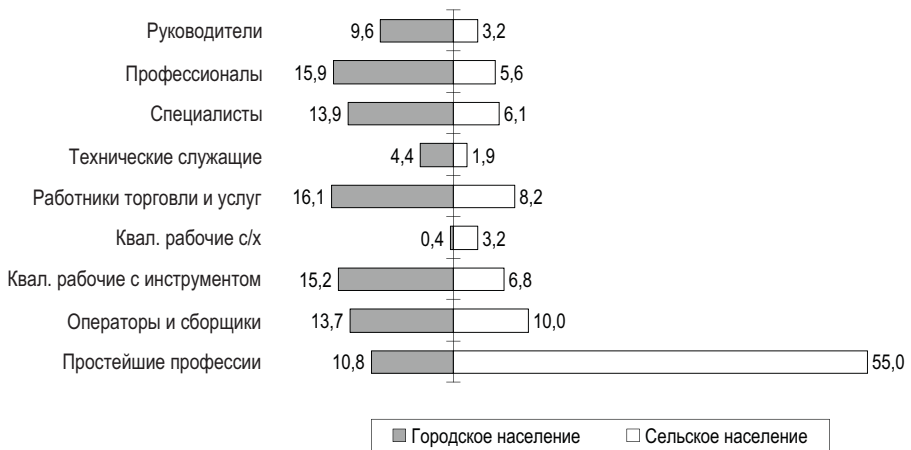

Рис. 5. Поселенческий портрет распределения занятого населения по профессиональным группам, согласно данным Госкомстата Украины 2007 года, %

Интересно рассмотреть поселенческий профиль профессионального портрета населения Украины в сравнении с Россией и с европейскими странами (табл. 11). Согласно данным ESS-2006, поселенческая структура занятости довольно близка во всех постсоциалистических странах³. Ее сходные черты: доля руководителей, профессионалов, специалистов, клерков значительно выше среди горожан, а доля рабочих аграрного сектора, операторов и сборщиков, простейших занятий выше среди сельских жителей. В странах же Западной Европы поселенческий профиль занятости не обнаруживает выразительных различий между горожанами и селянами (за исключением

¹ Известно, что в 49,3% населенных пунктах Украины в 2005 году отсутствовали какие-либо субъекты хозяйственной деятельности [Прибиткова, 2009], поэтому многие сельские жители вынуждены работать или в личном подсобном хозяйстве, или не по месту жительства.

² В столице также сконцентрированы законодатели, высшие госслужащие и руководители, однако они, как правило, не попадают в выборку.

³ Данные Госкомстата Украины и мониторинга фиксируют более контрастные процентные различия профессионального состава горожан и селян, чем данные ESS-2006, тем не менее описанные тенденции сохраняются.

профессиональной группы квалифицированных рабочих аграрного сектора, что вполне объяснимо).

Таблица 11

Поселенческий профиль распределения населения Украины и России, стран Восточной и Западной Европы по профессиональным группам (ESS-2006), %*

Профессиональные группы	Украина		Россия		Страны Восточной Европы		Страны Западной Европы	
	Городское население	Сельское население	Городское население	Сельское население	Городское население	Сельское население	Городское население	Сельское население
Законодатели, высшие госслужащие, руководители	12,2	7,5	5,5	3,4	10,7	4,0	8,5	8,9
Профессионалы	13,2	8,7	16,5	10,8	11,6	4,3	14,1	10,3
Специалисты	18,0	12,4	15,5	14,8	13,2	6,4	17,9	15,4
Технические служащие	6,2	5,3	7,7	4,6	8,8	5,7	13,5	11,7
Работники сферы торговли и услуг	13,9	11,2	10,9	10,4	14,1	11,7	15,9	14,1
Квалифицированные рабочие сельского, лесного и рыбного хозяйств	1,1	2,4	0,9	9,7	1,5	6,0	1,3	5,3
Квалифицированные рабочие с инструментом	15,3	13,4	19,8	15,0	15,0	19,7	11,3	14,4
Операторы и сборщики оборудования и машин	10,5	15,2	12,4	16,4	11,0	12,4	6,6	7,5
Простейшие профессии	9,6	23,8	10,7	14,8	14,3	19,8	10,9	12,4
Количество респондентов	628	1167	1480	566	2835	1845	1620	8623

* Данные по Украине и России взвешены с учетом дизайн-эффекта выборки, а по странам Восточной и Западной Европы – на комбинированный вес $weight2 = dweight * pweight$.

Выводы

Предпринятое автором статьи многоцелевое исследование позволило сделать следующие выводы.

Во-первых, данные разных социологических проектов относительно профессионального состава населения Украины, на мой взгляд, вполне сопоставимы (а значит, надежны), хотя имеют отличия, объясняемые в основном различиями стратегий построения выборки и методов сбора информа-

ции. Наличие же значительных несовпадений социологических и статистических данных требует поиска объяснений, специального обсуждения с сотрудниками Госкомстата Украины, ответственными за сбор данных о распределении населения по профессиональным группам, и (в идеале) устранения этих проблем путем сближения методических стратегий (главным образом на этапе кодирования).

Во-вторых, сравнительные данные международного проекта ESS свидетельствуют, с одной стороны, о принципиальном подобии профессионального состава всех постсоциалистических обществ — Украины, России и стран Восточной Европы (что объясняется общностью социально-экономических и технологических оснований формирования профессионального профиля общества в странах бывшего СЭВ, сохраняющейся до настоящего времени), а с другой — о принципиальных отличиях от развитых западных стран (в частности, объем позиций “белых воротничков” в структуре профессиональной занятости на Западе значительно выше, а “синих” — соответственно, ниже). Однако данный вывод предполагает в дальнейшем более детальное обсуждение сравнительных отличий в качественных характеристиках представителей разных профессиональных групп (например, профессионалов, фермеров и др.).

В-третьих, в течение двенадцати лет (периода отслеживания данных о профессиональном распределении) наблюдалась значительная динамика дифференциации населения по профессиональным группам. Если доверять данным статистики¹, в Украине и России она имела разную направленность и интенсивность. Так, в Украине на фоне снижения общего объема занятости наблюдался сдвиг от синеворотничковых занятий индустриального сектора в сторону сферы торговли и услуг, а в России двенадцатилетняя динамика имела позитивный тренд к преобразованию структуры занятости по образцу постиндустриального общества — на фоне повышения объема занятости произошел сдвиг профессиональной дифференциации от “синих” воротничков у сфере не только торговли и услуг, но и “белых воротничков”. Чтобы оценить, насколько достоверен такой вывод, необходимы данные других исследований.

В-четвертых, полученные данные свидетельствуют о важности детерминант пола, возраста и места проживания для анализа профессиональной структуры постсоветских обществ. Среди выявленных закономерностей следует отметить факты как *горизонтальной гендерной асимметрии* в профессиональном разделении труда (женщины доминируют в сфере квалифицированного и рутинного нефизического труда, а мужчины — в профессиях рабочих физического труда и в управленческих позициях; причем гендерные различия рынка труда имеют сходный характер во всех сравниваемых странах); так и факты *вертикальной сегрегации*, показанные на примере гендерных различий в оплате труда (во всех профессиональных группах заработная плата мужчин значительно выше, чем у женщин), а также в должностном профиле (чем выше статус позиции в должностной иерархии, тем реже ее занимают женщины). Анализ *возрастного профиля* выявил своеоб-

¹ Эту оговорку я делаю потому, что практика сбора и кодирования информации в соответствии с классификатором профессий ISCO для статистических агентств России и Украины также является новой, еще недостаточно отработанной практикой.

разии профессиональных позиций разных возрастных групп. Зафиксирован так называемый возрастной “эффект края”: крайние возрастные группы на рынке труда — самая молодая (до 20 лет) и самая старшая (после 60 лет) — имеют специфическую структуру занятости, которая отличается от “средних” — наиболее массовых и активных возрастных групп (от 30 до 60 лет), реализующих весь спектр профессий современного общества. Так, молодежь до 20 лет занимается преимущественно занятиями неквалифицированного физического труда и сферы торговли и услуг, а среди работников пенсионного возраста сравнительно большая доля имеющих простейшие занятия и меньшая — работников торговли и услуг. Профессиональные профили 30-, 40- и 50-летних работников наиболее близки, а 20-летние отличаются от них меньшей долей руководителей. Выявленный характер взаимосвязи возраста и профессии подобен во всех сравниваемых странах. *Поселенческий профиль* свидетельствует о принципиальной дифференциации профессионального состава городского и сельского населения, в частности по уровню квалификации: представители простейших занятий сконцентрированы главным образом в селе, а управленцы и работники квалифицированного труда — в городах; правда, и среди горожан фиксируются различия: в столице сосредоточены занятия “белых воротничков”, а в крупных и небольших городах — “синих”. Отмечу, что выше перечислены только те закономерности профессиональной структуры украинского и российского обществ, которые находят убедительное подтверждение в данных как официальной статистики, так и социологических проектов.

Подводя итог, отмечу, что предпринятое изучение общих контуров профессиональной дифференциации украинского общества в сравнительной и временной перспективах является лишь одним из необходимых шагов в комплексном изучении профессиональной структуры. Актуальны отечественные исследования разных типов социально-профессиональной мобильности, структуры профессионального престижа, отслеживание различных показателей гендерного и возрастного неравенства в сфере профессиональной занятости и т.п. Перспективным направлением является также развитие социологии профессий, которая как отдельная отрасль исследований (судя по анализу социологической периодики) практически отсутствует в Украине. Как следствие нам мало что достоверно известно об отечественной специфике культуры отдельных профессиональных групп (например, врачей, менеджеров, преподавателей, юристов, социальных работников, специалистов IT-сферы), об изменении статуса различных профессий и занятий в ходе общественных трансформаций, о появлении и институционализации новых профессий.

Полученные данные вносят определенный вклад в знание о социальной структуре украинского общества, а также свидетельствуют о том, что отечественные социологи получили надежный инструмент фиксации профессиональной позиции респондента в соответствии с международными стандартами. Наличие этой унифицированной переменной в отечественных социологических массивах обеспечивает международную сравнимость соответствующих данных, кроме того, очевидна ее полезность в качестве элемента конструирования известных классовых схем и социоэкономических индексов (а при желании и для создания собственных), что оправдывает вложение времени и усилий в ее конструирование.

Литература

- Александрова Т.Л.* Методологические проблемы социологии профессий // Социологические исследования. — 2000. — № 8. — С. 11–17.
- Аллен В.А.Д., Гончарук О., Перротта Л.* Українське село на зламі століть. — К., 2001.
- Аникин В.А., Тихонова Н.Е.* Социально-профессиональный статус как фактор социальных неравенств // Социальные неравенства и социальная политика в современной России. — М., 2008. — С. 96–110.
- Антонченкова С.В.* Гендерное неравенство на рынке труда // Экономическая социология: электронный журнал. — 2004. — Т. 5. — № 4. — С. 72–96 (www.ecsoc.msses.ru).
- Антропология профессий: Сб.науч.ст. / Под ред. П.В.Романова, Е.Р.Ярской-Смирновой. — Саратов, 2005.
- Близиок В.* Гендерні відносини в економічній сфері // Основи теорії гендеру. — К., 2004. — С. 327–353.
- Большой толковый социологический словарь (Collins). — М., 1999. — Т. 1, 2.
- Діти, жінки та сім'я в Україні: Стат. збірник / ДКСУ. — К., 2008.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда // Западноевропейская социология XIX–начала XX веков. — М., 1996. — С. 256–309.
- Жінки і чоловіки в Україні: Стат. збірник / ДКСУ. — К., 2001.
- Журженко Т.Ю.* Социальное воспроизводство и гендерная политика в Украине. — Харьков, 2001.
- Заславская Т.И.* Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. — 1997. — № 2. — С. 5–23.
- Ильин В.И.* Модели классообразования в посткоммунистическом мире // Мир России. — 2008. — № 2. — С. 3–21.
- Классовое общество. Теория и эмпирические реалии / Под ред. С.Макеева. — К., 2003.
- Кон М., Хмелько В., Паниотто В., Хунг Х.Ф.* Социальная структура и личность в процессе радикальных социальных изменений // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2005. — № 3. — С. 24–64.
- Куценко О.Д.* Общество неравных. Классовый анализ неравенств в современном обществе. — Харьков, 2000.
- Лаврінченко Н.* Гендерний аспект соціально-економічного статусу // Українське суспільство–2003. Соціологічний моніторинг. — К., 2003. — С. 97–105.
- Лерман Ц., Седик Д., Пугачев Н., Гончарук А.* Реформирование сельского хозяйства в Украине. Итоги и перспективы. — Рим, 2007.
- Лукиша О.В.* Социология профессиональных групп: определение понятий // Профессиональные группы интеллигенции. — М., 2003. — С. 61–79.
- Макеев С.А.* Социальные перемещения в крупном городе. — К., 1989.
- Мальцева И.О., Рошин С.Ю.* Гендерная сегрегация и мобильность на российском рынке труда. — М., 2006.
- Мансуров В.А., Юрченко О.В.* Конструирование новых статусных позиций в процессе профессионализации // Модернизация социальной структуры российского общества / Под ред. З.Т.Голенковой. — М., 2008. — С. 139–156.
- Оксамитна С., Патракова А.* Ієрархія престижності професій і занять // Українське суспільство, 2007. — К., 2007. — С. 170–179.
- Оксамитная С.Н.* Концепция классов Дж.Голдторпа: опыт применения в Украине // Классовое общество. Теория и эмпирические реалии / Под ред. С.Макеева. — К., 2003. — С. 82–115.
- Патракова А.Л.* Социально-классовые позиции и ценностные ориентации // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2009. — № 1. — С. 169–185.
- Попова И.П.* Профессиональный статус специалистов в меняющемся российском обществе. — М., 2004.

Праця жінок: дискримінація по відношенню до жінок на українському ринку праці. Звіт Human Rights Watch, 2003 (www.hrw.org/russian/reports/ukraine/2003/ukraine_resume.html).

Прибиткова І.М. Критерії внутрішньокласової структури селянства та міжкласових кордонів у дискусіях аграрників радянської доби та пострадянського реформаційного часу // Соціальний розвиток сільських регіонів. — Умань, 2009. — С. 134–137.

Пробивая “стеклянный потолок”: женщины на руководящих постах. Краткий обзор. Международное бюро труда. — Женева, 2002 (<http://www.gender.ru/russian/digest/2002-01/analyze/mot8.shtml>).

Професійні групи інтелігенції. — М., 2003.

Рівність заради демократії: Інформаційний бюлетень з актуальних питань гендерних перетворень в Україні. — К., 2006.

Симончук Е.В. Механізм міжпрофесійної мобільності спеціалістів з вищим образованием // Подвижность структуры: Современные процессы социальной мобильности. — К., 1999. — С. 135–149.

Симончук Е. Классовые структуры в сравнительной перспективе // Украинское общество в европейском пространстве / Под ред. Е.Головахи, С.Макеева. — К., 2007. — С. 33–104.

Симончук Е. Классификатор профессий ISCO-88: история разработки, концептуальные основания, модель операционализации, применение в социологических исследованиях // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 3. — С. 24–41.

Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992. — С. 353–372.

Сорокин П.А. Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп // Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. — М.: Наука, 1994. — С. 333–355.

Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе / Под ред. В.А.Мансурова. — М., 2007.

Социально-професійна орієнтація молодіж / Отв. ред. М.Х.Титма. — Тарту, 1973.

Украинское общество в европейском пространстве / Под ред. Е.Головахи, С.Макеева. — К., 2007.

Филиппов Ф.Р. От поколения к поколению: Социальная подвижность. — М., 1989.

Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь (социологическое исследование проблем выбора профессии и трудоустройства). — М., 1985.

Черноволенко В.Ф., Оссовский В.Л., Паниотто В.И. Престиж профессий и проблемы социально-професійної орієнтації молодіж. — К., 1979.

Шкаратан О.И., Ильин В.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы. — М., 2006.

Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Российское неократическое общество и его стратификация // Социологические исследования. — 2008. — № 11. — С. 40–50.

Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Социально-професійна стратифікація населення Росії: Теоретическі передумовки, методи і деякі результати повторного опроса 1994, 2002 і 2006 років // Мир России. — 2007. — № 3. — С. 3–49.

Abbott A. The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor. — Chicago, 1988.

Ageing and Employment Policies. — Paris, 2001 (www.oecdbookshop.org).

Ageing and Income. Financial Resources and Retirement in 9 OECD Countries. — Paris, 2001.

Anker R. Gender and Jobs: Sex Segregation of Occupations in the World. — Geneva, ILO, 1998.

Ashton D.N. Globalisation and the Future of the Youth Labour Market. — Leicester, 2007.

- Blau P.M., Duncan O.D.* The American Occupational Structure. — N.Y., 1967.
- Burton M.D., Grusky D.B.* A Quantitative History of Comparative Stratification Research // Contemporary sociology. — 1992. — Vol. 21. — № 25. — P. 623–631.
- Crompton R.* Professions in the Current Context // Work, Employment and Society. — 1990. — P. 147–66.
- Davies C.* The Sociology of Professions and the Profession of Gender // Sociology. — 1996. — Vol. 30. — № 4. — P. 661–678.
- Dex S.* The Sexual Division of Work: Conceptual Revolutions in the Social Sciences. — Brighton, 1985.
- Dictionary of Sociology / Ed. by J.Scott, G.Marshall. — Oxford, 2005.
- Duncan O.D.* A Socioeconomic Index for All Occupations // Occupations and Social Status / Ed. by A.J.Reiss. — N.Y., 1961. — P. 139–161.
- Duncan O.D.* Notes on Social Measurement: Historical and Critical. — N.Y., 1984.
- Erikson R., Goldthorpe J.H.* The Constant Flux. — Oxford, 1992.
- Esping Andersen G.* Post-Industrial Class Structures: An Analytical Framework // Changing Classes: Stratification and Mobility in Post-Industrial Societies / Ed. by G.Esping Andersen. — L., 1993. — P. 7–31.
- Featherman D., Hauser R.* Opportunity and Change. — N.Y., 1978.
- Feldberg R., Glenn E.N.* Male and Female: Job Versus Gender Models in the Sociology of Work // Social Problems. — 1979. — Vol. 26. — P. 524–538.
- Freidson E.* Professionalism: The Third Logic. — L., 2001.
- Furlong A., Cartmel F.* Young People and Social Change: New Perspectives. — Maidenhead, 2006.
- GANZEBOOM H.B.G., DE GRAAF P., TREIMAN D.J. (with De Leeuw J.).* A Standard International Socio-Economic Index of Occupational Status // Social Science Research. — 1992. — № 21. — P. 1–56.
- GANZEBOOM H.B.G., TREIMAN D.J.* Internationally Comparable Measures of Occupational Status for the 1988 International Standard Classification of Occupations // Social Science Research. — 1996. — № 25. — P. 201–239.
- GANZEBOOM H.B.G., TREIMAN D.J., ULTEE W.C.* Comparative Intergenerational Stratification Research: Three Generations and Beyond // Annual Review of Sociology. — 1991. — Vol. 17. — P. 277–302.
- GANZEBOOM, H.B.G., TREIMAN, D.J.* Three Internationally Standardised Measures for Comparative Research on Occupational Status // Advances in Cross-National Comparison / Ed. by J.H.P.Hoffmeyer-Zlotnick, C.Wolf. — N.Y., 2003. — P.159–193.
- Gender and Stratification / Ed. by R.Crompton, M.Mann. — Cambridge, 1989.
- Gender Segregation and Social Change / Ed. by A.M.Scott. — Oxford, 1994.
- Gender Segregation at Work / Ed. by S.Walby. — Philadelphia, 1988.
- Global Gender Gap Report 2007. World Economic Forum — (<http://www.weforum.org/en/initiatives/gcp/Gender%20Gap/index.htm>).
- Glover I., Branine M.* Ageism in Work and Employment. — Aldershot, 2001.
- Goldthorpe J.H., Hope K.* The Social Grading of Occupations. A New Approach and Scale. — Oxford, 1974.
- Goldthorpe J.H.* Women and Class Analysis: in Defence of the Conventional View // Sociology. — 1983. — № 17.
- Goldthorpe J.* On the Service Class, its Formation and Future // Classes and the Division of Labour / Ed. by A.Giddens, G. MacKenzie. — Cambridge, 1982.
- Griffin L., Kalleberg A.* Stratification and Meritocracy in the United States: Class and Occupational Recruitment Patterns // British Journal of Sociology. — 1981. — Vol. 32. — P. 1–38.
- Hakim C.* Key Issues in Women's Work: Female Heterogeneity and the Polarisation of Women's Employment. — L., 1996.

- Hoffmann E.* International Statistical Comparisons Occupational and Social Structures: Problems, Possibilities and the Role of ISCO-88. — ILO, 1999.
- Kalleberg A.* Comparative Perspectives on Work Structures and Inequality // Annual Review of Sociology. — 1988. — Vol. 14. — P. 203–225.
- Krymkovski D.H.* Measurement in the Comparative Study of the Process of Stratification // Social Science Research. — 1988. — Vol. 17. — P. 181–205.
- Leiulfsrud H., Bison I., Jensberg H.* Social Class in Europe / European Social Survey 2002/3. — NTNU Samfunnsforskning / NTNU Social Research Ltd., 2005.
- Leiulfsrud H., Woodward A.* Women at Class Crossroads: Repudiating Conventional Theories of Family Class // Sociology. — 1987. — Vol. 21. — № 3. — P. 393–412.
- MacDonald K.M.* The Sociology of the Professions. — L., 1995.
- Mills W.* White Collar: The American Middle Classes. — N.Y., 1951.
- North C.C., Hatt P.K.* Jobs and Occupations // Public Opinion News. — 1947. — № 9. — P. 3–13.
- Orth B., Wegener B.* Scaling occupational prestige by magnitude estimation and category rating methods // European Journal of Social Psychology. — 2006. — № 13(4). — P. 417–431.
- Parsons T.* The Social System. — N.Y., 1991.
- Perkin H.* The Rise of Professional Society. — L., 1988.
- Professions in Theory and History / Ed. by M.Burrage, R.Torstendahl. — L., 1990.
- Report on Equality between Women and Men. — Luxembourg, 2006.
- Riley M.W.* On the Significance of Age in Sociology // American Sociological Review. — 1987. — Vol. 52. — № 1. — P. 1–14.
- Samorodov A.* Ageing and Labour Markets for Older Workers. — Geneva, 1999.
- Shanas E. et al.* Old People in Three Industrialised Societies. — L., 1968.
- The End of the Professions? The Restructuring of Professional Work / Ed. by J.Broadbent, M.Dietrich, J.Roberts. — L.–N.Y., 1997.
- The Formation of Professions: Knowledge, State and Strategy / Ed. by R.Torstendahl, M.Burrage. — L., 1990. — P. 11–23.
- The Sociology of the Professions: Doctors, Lawyers and Others / Ed. by R.Dingwall, P.Lewis. — L., 1983.
- Treiman D.J.* Occupational Prestige in Comparative Perspective. — N.Y., 1977.
- Work and Aging: A European Perspective / Ed. by J.Snel, R.Cremer. — L., 1994. — P. 309–322.
- Wegener B.* Concepts and Measurement of Prestige // Annual Review of Sociology. — 1992. — Vol. 18. — P. 253–280.